

ПАДАНТИР

ЖУРНАЛ
ТОДКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

№ 88

СЕНТЯБРЬ 2023

КАМЕННЫЕ ТРОПКИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Коллин Манлов	Стиль Толкина (<i>перевод Елены Афанасьевой</i>)	3
Дж.Р.Р. Толкин	О Финве и Мирриэль (<i>Составление и перевод: Noremeldo Arandir, Аидлин Турэндиль</i>)	15
Кеменкири (Екатерина Лебедева)	«Легенды ветают из зеленой травы»: герои и истории Первой эпохи во «Властелине Колец»	26
Семен Фридман	Мотив хобрикса в творчестве Толкина	43

Обложка и оформление – Моргул.

ПАЛАНТИР

№88 сентябрь 2023

*Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга*

Этот номер для вас сделали:
Мария Семенихина, Игорь Хазанов, Золтан Бардинг, Моргул

e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)
Наш сайт: folkien.spb.ru

Copyright © 1997-2023 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Печатаются любые публикации и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещено. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и келли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж – 100 экземпляров.

(15) «Говорится среди эльфов, что едва ушел Эарендиль разыскивать свою жену Эльвинг, Мандос заговорил об участи его и молвил: “Ужели дозволено будет смертному при жизни вступить на неувядаемые земли – и сохранить жизнь?” Но отозвался Ульмо: “Для того и явился он в мир. Вот что скажи мне: кто он – Эарендиль ли, сын Туора из рода Хадора, или сын Идрили, дочери Тургона из эльфийского дома Финвэ?” И ответил Мандос: “Нолдор, по доброй воле ушедшим в изгнание, равно не позволено возвратиться сюда”» («Сильмариллион»).

Так быть могло бы. Но с тех пор как вышел он
Из мрака чрева, с отрочества, с юности,
Со дней, когда темнеет на щеках пушок,
Благоволения Дике Полинки не знал.
Не думаю, чтоб ныне, край губя родной,
В богине Правды он нашел помощнику.
Ведь не по праву б это звание гордое
Носила Дике, с наглым подлоцем дружа.

(10) В четвертой книге «Исторической библиотеки» Джюдора Сицилийского также упомянуто о том, что фиванцы не удостоили похорон всю армию Семерых – «Тела павших оставались под стенами Кадмеи без погребения»; ср. с судьбой останков воинов Союза Маэдроза после Нириаэт Арноэиад. Тела убитых были похоронены лишь после вмешательства афинян – ср. с мотивом из ранней версии Легендарiums Толкина, «Книги утраченных сказаний» («Рассказ Гильфанаона: Страдания Нолдоли и приход людей»), согласно которому курган погибших в Битве Бессчетных Слез возвели феаноринги, в той версии опоздавшие на решающее сражение: «Сыновья Феанора подошли слишком поздно и узрели только поле битвы: они убили оставшихся там грабителей, и, хороня Нолзэмо, **возвели величайший в мире курган из камней над ним и [?Гномами].** Он был назван Холмом Смерти» (перевод Д. О. Виноходова).

(11) «Забудьте о своих сокровищах! Еще немало весто создадим мы!» («Сильмариллион»).

(12) В этом отношении можно сравнить решение Феанора бросить вызов Морготу с попыткой Дэнетора бросить вызов Саурону в схватке разумов – хотя это в итоге и довело его до безумия и самоубийства, Саурону так и не удалось подчинить его своей власти.

(13) Вместе с тем претендующих на статус высших сил – не случайно Моргот в беседе с Хурином именуется себя «Древнейшим Королем» и «Владыкой Судеб Арды».

(14) Окончить это дело бог торопится.

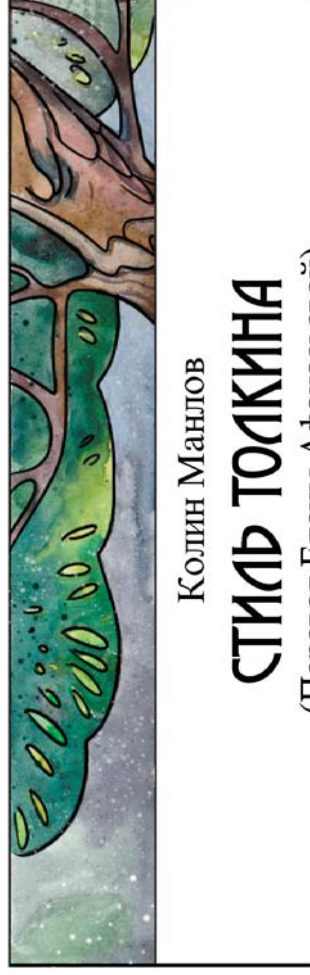
Ну, что ж! Пусть бура всех потомков Лаяя,

Преследуемых Фебом, унесет в Кокит <...>

О нас давно уж боги не пекутся, нет.

Одна им радость – гибель рода нашего.

Зачем же мне от рока своего бежать?

КОЛИН МАНЛОВ СТИЛЬ ТОЛКИНА (Перевод Елены Афанасьевой)

Об авторе

Колин Манлов родился в 1942 году в Шотландии и много лет преподавал английскую литературу в Эдинбургском университете. В 1973 г. он выпустил книгу под названием «Modern Fantasy: Five Studies» («Современное фэнтези: пять исследований»). Эта работа считается первым серьезным исследованием жанра фэнтези, который он определяет следующим образом: «Художественная литература, вызывающая чувство удивления и содержащая существенный и неустрашимый элемент сверхъестественных или невозможных миров, существ или объектов, с которыми смертные персонажи истории или читатели хотя бы частично знакомятся».

Среди пяти рассмотренных Манловом авторов есть и Толкин. Исследователь приводит краткую биографию писателя, подробно рассматривает эссе «О волшебных сказках», а затем анализирует «Властелина Колец». Общее мнение исследователя о стиле Толкина можно охарактеризовать двумя словами: «слабый и безжизненный».

В 2010 году, во время конференции, прошедшей в рамках «Фестиваля в Шире» (Уэльс), Колин Манлов вернулся к Толкину и его стилю. Его выступление так и называлось – «Стиль Толкина», и в нем шотландский исследователь признает неправоту своих прежних заключений. Он значительно пересматривает свое отношение к роману и его стилистике.

В 2020 году Манлова не стало, а в 2022 году текст его выступления был переведен на итальянский язык и напечатан в академическом сборнике «Quaderni di Arda» («Тетради Арды»).

Недавно я работал над изучением стиля, использованного Роулинг в книгах о Гарри Поттере, и это заставило меня более внимательно отнестись к использованию Толкином английского языка во «Властелине Колец», чем тридцать пять лет назад в «Современном фэнтези». По сути, в этом выступлении я буду рассматривать те самые отрывки, которые тогда воспринимал критически, чтобы показать, насколько больше заложено в стиле Толкина, чем я думал. Вам решать, могут ли оба подхода быть правильными.

Конечно же, подход Толкина сильно отличается от стиля Роулинг, которая, к слову, многим обязана его произведению. Роулинг хочет показать целый мир персонажей так ярко, как это возможно. Толкина же гораздо меньше заботит идентичность его персонажей, и многие описания таковых во «Властелине Колец» призваны показать не определенную личность, но человека, наполовину слившегося с окружающей его природой, физическая внешность которого существует в матрице концептуального. Это не делает Толкина аллегористом, но скорее «воплощающим» писателем, который показывает нам персонажей, чей физический облик тесно связан с идеями, которые воплощены в них.

Толкин чувствует, что нас следует втянуть в его мир, а не взаимодействовать с ним со стороны, как например, это делает К.С. Льюис. Миры Нарнии или Переландры не похожи на наш, и нам нужен человек-посредник, который путешествует в них, и мы можем наблюдать его реакцию на этот мир. Толкин-рассказчик начинает свое повествование уже в Средиземье, а не прибывает в него из нашего мира. Для Толкина лучшее фантастическое произведение – это созданное эльфами: читатель или публика в нем не остаются в положении «Вторичной Веры», то есть пребывают в «реальном» мире, куда возвращаются после краткой экскурсии, но погружаясь в историю на грани Первичной Веры, то есть на грани того, чтобы для них фантастический мир стал единственной реальностью. Толкин называет это эльфийское умение «Чарами», и из всех форм человеческого искусства удавшаяся фантазия – это та, которая наиболее приближена к ним (*TL*, pp. 47-49) (*перевод С. Лихачевой*).

Толкин не оперирует удивительным или новым в своем фэнтези: он не создает мистическую планету-океан, населенную зелеными льдами, не знающими грехопадения, как в «Переландре» Льюиса (1943 г.), или невероятно изолированный мир наподобие огромного замка в романе Мервина Пика «Титус Гроан» (1946 г.) (1). Он может рассуждать о том, что во вторичном мире фантазии зеленое солнце может выглядеть правдоподобно (*TL*, p. 45) (*перевод С. Лихачевой*), но он никогда не пытается создать нечто подобное – даже Зеленую Даму. Потому что он уверен, что лучшие фантазии имеют дело «с вещами простыми и непреложными, Фантазией нетронутыми, – но эти простые сущности благодаря оправе сияют еще ярче <...> Именно в волшебных историях я впервые распознал могущество слов и открыл для себя чудесную суть таких вещей, как камень, дерево и железо; дерево и трава, дом и огонь; хлеб и вино». (*TL*, p. 53) (*перевод С. Лихачевой*). Другими словами, когда вы пишете фэнтези, которое есть история, разворачивающаяся в ином мире, все обыденные вещи автоматическим становятся более чудесными, чем они обычно видятся.

Более того, такие обыденные вещи начинают ускользать от неподходящих слов, которыми вы привыкли называть их или подчинять их. Толкин говорит о том, что хочет не просто вернуть яркость восприятия знакомым вещам, но сделать их дикими и опасными. Он хочет устранить ощущение того, что мы вообще с ними знакомы: «Гворчская фантазия главным образом стремится <...> создать что-то новое: она, чего доброго, распахнет двери вашей сокровищницы, и все, что там заперто, разлетится, точно птицы из клетки» (*TL*, p. 53) (*перевод С. Лихачевой*). Это говорит о том, что не только наш разум не способен отразить реальность, но и наш язык не может этого, поскольку только изменение в восприятии может показать нам

Или пускай работой бесполезной

Всех в Монджибельской кузне надорвет,

Вопя: «Спасай, спасай, Вулкан любезный!»,

Как он над Флегрой возглашал с высот,

И пусть меня громит грозой всечасной, –

Веселой мести он не обретет!» (пер. М. Л. Лозинского).

(7) Нельзя не отметить, что тема эмблем на щитах присутствует и в истории падения нолдор:

Когда же убедился Мелькор, что лживые наветы его уже дают плоды и что в сердцах нолдор пробудились гордыня и гнев, он заговорил с ними об оружии; и тогда нолдор стали ковать мечи, и секиры, и копья. **И щиты они делали, и изображали на них знаки домов и родов, что соперничали друг с другом;** щиты носили они открыто, а о прочем оружии умалчивали, ибо каждый полагал, что он один вовемя упрещен («Сильмариллион»).

(8) Щит у него прекрасный, новосправленный,

И знак двойной на этом на щите блеснит:

Вооруженный воин, весь из золота,

Идет вослед за женщиной, с достоинством

Его ведущей. Это Дике. Надпись же

Видна такая: «Человека этого

Верну я в город, в отчем поселю дому».

(9) Когда бы Дике, девственная Зевса дочь,
Его хранила и в делах, и в помыслах,

или приспособлений (приборов) вместо того, чтобы развивать врожденные, внутренние таланты и силы или даже просто использование этих талантов во имя искаженного побуждения подчинять: **перепахивать реальный мир или принуждать чужую волю**» (Письмо 131).

(3) Из книги Оронцо Чилли «Библиотека Толкина: аннотированный список» прямо следует знакомство Толкина с трагедией Эсхила «Агамемнон» и трагедией Софокла «Царь Эдип».

(4) «они же на ветер бросают / вековые творения;

куда им с Морготом / совладать,

созывая совет за советом!» («Бегство нолдоли»).

«Вот что скажи Манвэ Сулимо, Верховному Короллю Арды: если Феанор и не сможет одолеть Моргота, по крайней мере не мешкает он с вызовом на бой, а не пребывает в бездействии, горя понапрасну» («Сильмариллион»).

(5) Семь полководцев, семь отважных воинов

Зарезали быка, в чернокаемный щит

Спустили кровь и, руки его вымарав,

Аресом, Энио и богом Ужасом

Разрушить город поклонись и Кадмову

Опустошить столицу или пасть самим,

Но землю эту в месиво кровавое

Сначала превратить («Семеро против Фив»).

(6) Капанея сразил молнией Зевс, а позднее его останки были сожжены на погребальном костре (ср. со смертью в огне Феанора и Маэдроса, о котором в «Бегстве нолдоли» сказано, что «пламя души его / не уступало в силе гневу отца его, / огню Феанора»). Впечатляющий образ Капанея нарисован Данте Аллигери в «Божественной комедии»:

А тот, появив, что я дивилось, как чуду,

Его гордыне, отвечал, крича:

«Каким я жил, таким и в смерти буду!

Пускай Зевес замучит ковача,

Из чьей руки он взял перун железный,

Чтоб в смертный день меня сразить сплеча,

дикую реальность нашего мира, которая далека от нас так же, как Переландра от Рэнсома. И если это так, то насколько более это верно в случае, когда Толкин пишет «Властелина Колец» на современном английском языке вместо эльфийского, на котором предпочел бы его написать? Насколько меньше должен подходить наш язык XXI века для того, что он описывает, по сравнению со, скажем, Всеобщим наречием Средиземья, с которого он «переводит» свою историю?

Возможный ответ на этот вопрос состоит в том, что язык «Властелина Колец» не является истинной формой «стиля», как не является и основным средством передачи волшебного. Таким средством может выступать сам фантастический мир, взаимодействие персонажей, их действий и пейзажей, которое создает единое целое. Можно предположить, что в этом нет ничего необычного, поскольку в народных сказках «язык повествования» никогда не является чем-то фиксированным, но варьируется в зависимости от личных предпочтений каждого рассказчика. Например, для «Сказки про можжевельник» братьев Гримм нет ни установленного текста, ни установленного набора персонажей – только установленная последовательность событий. Возможно, именно здесь лежит ключ к «Властелину Колец», который Толкин писал именно как сказку.

Так есть ли у него в принципе языковой стиль? Следует предположить, что у любого произведения искусства, если оно стремится оказывать воздействие, должен быть стиль. Следует полагать, что филолог калибра Толкина с большим вниманием относился к тому, какое впечатление производят используемые им слова. И какие слова он использует? Я открыл однотомное издание «Властелина Колец» случайным образом и нашел этот отрывок:

That morning they lit a fire in a deep hollow shrouded by great bushes of holly, and their supper-breakfast was merrier than it had been since they set out. They did not hurry to bed afterwards, for they expected to have all the night to sleep in, and they did not mean to go on again until the evening of the next day. Only Aragorn was silent and restless. After a while he left the Company and wandered on to the ridge; there he stood in the shadow of a tree, looking out southwards and westwards, with his head poised as if he was listening. Then he returned to the brink of the dell and looked down at the others laughing and talking.

В то утро они развели костер в глубокой ложбине, укрытой большими кустами остролиста, и их ужино-завтрак был веселее прочих с тех пор, как они отравились в путь. После они не спешили ложиться спать, так как рассчитывали, что у них будет вся ночь для сна, и они не собирались снова двинуться в путь до вечера следующего дня. Только Арагорн был молчалив и беспокойен. Вскоре он оставил Братство и отправился на гребень; там он стоял в тени дерева, смотря на юг и на запад, склонив голову, словно прислушиваясь. Затем он вернулся на край лощины и посмотрел вниз на остальных, которые смеялись и болтали (*здесь и далее перевод мой. – E.A.*).

(Примечание переводчика: Я предпочла привести собственный подстрочный перевод указанных отрывков, так как в центре внимания – все же анализ оригинала, и мне не хотелось, чтобы потерялись важные в этом контексте моменты (параллельные конструкции, перевод отдельных слов и пр.), которые неизбежно пропадают в изданных переводах на русский язык)

Язык здесь прямой, как само путешествие. Все предложения – в изыскательном наклонении, как правило, соединены друг с другом с помощью союза «и». Выбивается только одно предложение: «После они не спешили ложиться спать, так как рассчитывали...» (*They did not hurry to bed afterwards, for they expected...*). Все слова здесь функциональны, большинство – односложные; автор не пытается прокомментировать происходящее или описать сцену так, чтобы мы почувствовали себя находящимися там. Одной из причин является то, что «мы» не должны обосноваться здесь надолго, но можем лишь на время расслабиться. Это стиль повествования, сосредоточенного на том, что было, что происходит и что может произойти. Путники расслабились, потому что после многих дней пути у них есть укрытие и возможность разжечь костер и приготовить нормальную еду. Но их радость преходяща. Арагорн, который всегда наблюдателен и пронизателен, отдаляется в тревоге. Это отдаление предвосхищается в отрывке использованием глаголов вокруг «они». «Они развели костер» (*they lit a fire*) объединяет их, хотя тем самым заставляет их уже испытывать судьбу. «Они не спешили» (*They did not hurry*), стоящее в начале предложения, где, как и в предыдущем предложении, функцию подлежащего выполняет «они», привлекает к себе внимание. Но к тому времени, когда мы добираемся до «рассчитывали, что у них будет вся ночь» (*they expected to have all the night*) и «они не собирались» (*they did not sleep*), мы уже сами начинаем испытывать беспокойство от их самонадеянности, уверенности в будущем. Это мелочи, почти незаметно влияющие на наше восприятие. Затем мы оказываемся с Арагорном, который отдалается и осматривает окрестности. Затем мы снова перемещаемся в лошину, где видим Арагорна стоящим «склонив голову, словно прислушиваясь» (*with his head posed as if he was listening*), – это намек, что ему что-то известно. Затем мы снова возвращаемся к Арагорну, который подходит к краю и смотрит вниз на веселящихся остальных. Возможно, здесь присутствует оттенок значения *looking down on* – «испытывать легкое раздражение». Но в гораздо большей степени это ироничный контраст между его заботой и их беззаботностью, и даже ощущение судьбы, наблюдающей за счастливым ведением смертных. И вместе со всем этим присутствует понимание того, что Арагорн постоянно беспокоится и заботится о них, и как важен квест, который они временно отложили.

Весь отрывок наполнен ощущением времени: «тем утром», «ужино-завтрак», «с тех пор, как они вышли в путь», «затем», «всю ночь», «вечер следующего дня», «через некоторое время», «потом». И снова все это передано через мелкие детали, простейшим языком, самыми размеренными предложениями, без малейшего нарушения основного повествования. Напротив, К.С. Льюис в «Переландре», истории о путешествии в иной мир, только и делает, что вмешивается: он прерывает повествование, чтобы порассуждать о том, что видит Рэнсом; он пытается поместить нас внутрь его истории, делая стилистические приемы более явными. В этом и суть: толкиновские приемы составляют единое целое с повествованием, они не включают

что в самой ранней версии Легендарiums Толкина – «Книге утраченных сказаний» – Турин с сестрой после смерти даже становятся обитателями Валинора, жителями страны «богов» («Турамбар и Фоалок»):

Но ныне молитвы Урина и Мавуин дошли до самого Манвэ, и боги сжалились над их несчастной судьбой, посему эти двое, Турин и Ниэнори, вступили в Фос'Алмир, огненную кулеpel, ту, что Урвэнди и ее девы сотворили века назад до первого восхода Солнца, и так омылись они от всех своих скорбей и позора, зажив среди благословенных подобно сияющим валлар (перевод Анариэль Ровэн).

Примечания

(1) «Одолеть» богов — разумеется, не только безнадежное предприятие для человека, но и кощунственный замысел, *hubris*. Поэтому не случайно именно в словах Дария мы дважды слышим это страшное слово (808, 821); в речи покойного царя звучит и осуждение “заносчивой дерзости” (831, ср. 744), “чрезмерно заносчивых замыслов” (827 сл.) Ксеркса, за которые обычно карает смертных Зевс, строгий судья (827 сл.)» (В. Н. Ярхо, «Драмаургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии»).

(2) [В пьесе Эсхила «Персы»] «Дарий говорит, что могилы павших будут вшлоть до третьего поколения служить свидетельством того, как смертному не следует в мыслях выходить за пределы своей природы, ибо “гордыня (*hubris*), достигшая расцвета, производит колос заблуждения (Аты), из которого произрастает обильный слезами урожай” (821 сл.). Таким образом, в начале стоит *hubris*, которая влечет за собой безрассудство, заблуждение, ослепление ума, лишające смертного способности соизмерять свое поведение с объективными нормами мироздания» (В. Н. Ярхо, «Драмаургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии»).

Ср. с любопытным пассажем из переписки Толкина, где он выражает свое скептическое отношение к техническому прогрессу: «Вздорные, тщеславные греки умудрились выстогать против Ксеркса; однако гнусные инженеры и химики вложили такую силу в Ксерксовы руки и во все государства-муравейники, что у людей порядочных, похоже, никаких шансов не осталось» (Письмо 52). Между тем, главная провинность Ксеркса перед богами по версии «Персов» – стремление нарушить установленные ими законы, «запереть великий Босфор». Ср. осуждение Толкином «машинной» цивилизации за стремление переделать под себя окружающий мир, связанное с сюжетами Второй эпохи, такими как создание эльфами Эрегиона Колец Власти и падение Нуменора:

Он упрямо бунтует против законов Создателя — особенно же против смертности. И то, и другое (поодинокое или вместе) непременно ведет к жажде Власти, и того, чтобы воля срабатывала быстрее и эффективнее, — и отсюда к Машине (или Магии). Под последним я разумею любое использование внешних систем

победить лежащее на его роде проклятье Моргота – даже мотив самоубийства из-за осознания инцестуального характера личных отношений в истории Турина взят из истории Эдипа, а не из истории Куллерво (где тоже присутствовал мотив инцестуальной связи с сестрой – но не она привела Куллерво к самоубийству, а известие о смерти других членов семьи), как и мотив конфликта с человеком, сообщающим ему неприглядную правду о совершенном им по неведению инцесте (в истории Эдипа это Тиресий и Креонт, в истории Турина – Брандир). Стоит отметить, что если в истории Эдипа проклятие его рода исходит от высших сил, то в истории детей Хурина Турин проклят силами зла (13). Возможно, здесь отразилось скептическое отношение Толкина к язычеству и анлично представлению о каре богов.

Дело в том, что божественное возмездие в англитичной мифологии ведет не к уменьшению, а, напротив, к увеличению зла в мире (это рефлексировали и сами язычники – недаром богиня мести охарактеризована в «Семерых против Фив» как «несхожая с богами»). Кара за деяния Лаия породила невольное преступление Эдипа, а оно, в свою очередь, – распря Этеокла и Полиника (которых Эдип, по версии пьесы Софокла «Эдип в Колоне», проклял за то, что они изгнали его из Фив, бросив на произвол судьбы), завершившуюся гибелью обоих братьев, и последующее разорение Фив «эпигонами». Этеокл, царь семивратных Фив, в трагедии Эсхила готов стать братоубийцей, поскольку убежден, что лишь гибель рода Эдипа – единственное средство прекратить гнев богов, лежащий на Фивах (14). У Толкина, напротив, у нолдор-изгнанников (и их союзников из народов Средиземья) остается надежда получить прощение и помощь от высших сил (история плавания Эарендила), на что с самого начала возлагает надежды Тургон, король семивратного Гондоллина, при помощи Кирдана отправляя корабли на запад, в Валинор.

В истории детей Хурина лежащий на героях рок в его языческом прочтении – это воля Моргота, тянущая мир и героев к трагедии, к черному отчаянию и гибели. В мире Толкина, в отличие от языческой картины мира, не все высшие силы (даже непобедимые человеческими силами), достойны почтения. И даже в истории Феанора и феанорингов, конфликт которых с Валар Толкин осуждает, Приговор Мандоса (рок, с которым тщетно борются феаноринги), призванный наказать нолдор за убийство родичей в Альквалонде, закрывая им путь в Валинор, до плавания Эарендила работает, по сути своей, на победу Моргота. Эарендиль в ходе своего путешествия (лишь благодаря которому Моргот в итоге оказался повержен) также, по сути, восстает против приговора Мандоса как рока, тяготеющего над миром (и ему за плавание в Валинор даже грозит казнь) (15), и его история становится торжеством милосердия над узко понятой справедливостью. Вместе с тем, даже для Эарендила его восстание против рока не закончилось в полной степени успешно – он навсегда покидает сообщество Эрухини, до конца мира странствуя на «Вингилоте».

Таким образом, на мой взгляд, можно говорить о неоднозначном (а не строго отрицательном) отношении Толкина к хюбрису как вызову высшим силам. Не случайно согласно Второму Пророчеству Мандоса именно Эарендиль, Турин и Феанор в Дагор Дагорат сыграют ключевую роль в окончательной победе над Морготом и возрождении мира. Не случайно и то,

сложные сравнения, которые уводят нас от происходящего к его подобию; они не встречаются между нами и повествованием. Когда Толкин прибегает к сравнениям, они, как правило, кратки, и он обращается к реалиям своего собственного мира: снежные вершины гор, отражающиеся в Зеркальном озере, похожи на «клубы белого пламени» (*like plumes of white flame*), мокрые волосы Голлума свисают на брови, «словно сорная трава» (*like rank weed*); когда Сарумана убивают, его дух медленно поднимается ввысь, «словно дым над костром» (*like smoke from a fire*).

Рассмотрим еще один отрывок, на этот раз – описание рохиррим, конного войска Рохана, атакующего врагов, которые осаждают Минас-Тирит:

Suddenly the king cried to Snowmane and the horse sprang away. Behind him his banner blew in the wind, white horse upon a field of green, but he outraced it. After him thundered the knights of his house, but he was ever before them. Éomer rode there, the white horsetail on his helm floating in his speed, and the front of the first éored roared like a breaker foaming to the shore, but Théoden could not be overtaken. Fey he seemed, or the battle-fury of his fathers ran like new fire in his veins, and he was borne up on Snowmane like a god of old, even as Oromë the Great in the battle of the Valar when the world was young. His golden shield was uncovered, and lo! it shone like an image of the Sun, and the grass flamed into green about the white feet of his steed. For morning came, morning and a wind from the sea; and darkness was removed, and the hosts of Mordor wailed, and terror took them, and they fled, and died, and the hoofs of wrath rode over them. And then all the host of Rohan burst into song, and they sang as they slew, for the joy of battle was on them, and the sound of their singing that was fair and terrible came even to the City.

Внезапно король что-то крикнул Снежногриву, и конь ринулся с места. Позади развевалось на ветру знамя с белым конем на зеленом поле, но король обогнал его. За ним с грохотом мчалась дружина его дома, но он всегда был впереди всех. Эомер скакал рядом, белый конский хвост на его племе развевался от скачки, и авангард первого эоредра ревел, как волна, пенящаяся на берегу, но Теодена было не догнать. Одержимым он казался, или боевая ярость его отцов текла в его жилах, подобно новому огню, и он возвышался на Снежногриве, как древнее божество, как Оромэ Великий в битве Валар, когда мир был молод. Его золотой щит был расчехлен, и – се! – он сиял, словно Солнце, и трава пылала зеленью вокруг белых ног его скакуна. И наступило утро, утро и ветер с моря; и расселась тьма, и возопили воинства Моргора, и ужас охватил их, и бежали они, и гибли, и гневные копыта промчались по ним. И тогда все воинство Рохана разразилось песней, и пели они, убивая, ибо были они полны радостью битвы, и звук их пения, прекрасного и ужасного, доносился до самого Города.

Когда-то я написал по поводу этого отрывка: «Каждое слово и ритм несут в себе стремительный поток наигранных эмоций и звучат фальшиво; ... Толкин так увлекается этими

возбужденными криками, что он становится единственным зрителем описываемой сцены». Однако то, что здесь, возможно, делает Толкин – это преобразование северной мистики битвы в критику ее же. Его проза эмоциональна, но речь не идет об эмоциях, которую он разделяет, это скорее приращение увидеть события изнутри, испытать от первого лица безумие культуры славной смерти даже тогда, когда эта смерть действительно славна. «*C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre*» (2). Теоден сканет далеко впереди своего эорета: дважды нам говорится, что он оставляет его позади; он даже обгоняет собственное знамя. Он кажется *feu*, что означает «странный» или «дикий» (*в приведенном переводе – «одержимый» – Прим. перев.*), может, это воинская ярость его отцов течет в его венах, но никто не может сказать наверняка, потому что он слишком далеко (OED также дает для *feu* значение из шотландского диалекта «обреченный на смерть»). Вспомним, что ранее так называемый «советник» Грима Эмсеус подлуживал самого Теодена на то, чтобы изолировать королевство от всех других и закрыться в своем жилище. Культура, в которой ценность человека измеряется только его личной славой, непрочна: если потерять связь с миром, кто-то другой может выдумать за тебя его образ. Индивидуализм неполноценен. И именно это демонстрирует Теоден на поле боя в Гондоре.

Слова, которой жаждет каждый из рохиррим, схвачена в чеканном образе Теодена: «Его золотой щит был расчехлен и – сиял, словно Солнце, и трава пылала зеленой под бельями ногами его скакуна». (*His golden shield was uncovered, and lo! it shone like an image of the Sun, and the grass flamed into green about the white feet of his steed.*) Это прекрасно, и на мгновение мы захвачены этим образом, как мы и должны, но на смену сильной эмоции приходит ощущение, что в этих внезапно ярких цветах зеленого, белого и золотого Теоден в какой-то степени становится воплощением славы и что он отчасти совершает действие, которое будут помнить, как помнят его предка, Эорла Юного, чье изображение висит во дворце Эдораса. Эта эмоциональность преходяща, и это эмоция не Толкина, но Теодена. Жажда славы, любовь к битве, даже любовь к смерти – все это принадлежит романтическому мировоззрению, основанному на подвигах индивидуума как члена династии, а не части войска. Во время осады Гондора Теоден оказывается далеко впереди битвы и его сопровождает мало воинов, когда их атакует вождь харадрим. Теоден выигрывает эту схватку, но сразу же после этого он поражен повелителем назгулов.

Продитированный отрывок постоянно упоминает коней, так как культура Рохана коневодческая. Именно Снежногрив «ринулся» (*sprang away*), на знамени Теодена изображен только конь. На шлеме Эомера – султан из конского волоса. Именно на коне «возвышается» (*borne up*) Теоден. Его «скакун» (*steed*) заставляет траву вспыхивать зеленой под копытами. Это правильно, что рохиррим отдают должное лошадям, благодаря которым их кавалерия непобедима, но, в конечном итоге, лошадь – это всего лишь животное, а не наделенное способностью мыслить существо, и вознесение их на такую высоту отдаст фетишизмом. И это подтверждается смертью Теодена. Как только его конь, Снежногрив, встречается с налетающей фигурой назгула верхом на ящере, в отличие от своего человека-всадника, паникует, слает назад и, когда копыле настигает его, падает на бок и смертельно ранит Теодена, подмыв его под себя. Трагическая ирония очевидна.

Здесь мы наблюдаем, как толкиновский стиль воздействует очень тонко, почти неразличимо. Кажется, что он сам охвачен каждой битвой, но это не так, поскольку он желает, чтобы мы почувствовали, что это такое, а затем – чего ей не хватает. Автоматически возникает

Полиника – чисто деструктивная сила, намеревающаяся предать Фивы мечу (а Полиник готов пойти на это из своих представлений о справедливости). Феанор, отправляясь в поход, выдвигает и конструктивную программу – сделать так, чтобы эльфы смогли жить в Средиземье без власти Валар не менее благополучно, чем под властью Валар в Валиноре (11). Хюбрис Семерых разрушитель, в то время как хюбрис Феанора – помимо обещаний войны и мести Морготу, а также всякому, кто попытается покуситься на Сильмарили – включает в себя мощную созидательную компоненту, проявляющуюся в деятельности нолдор в Средиземье и в их взаимодействии с его народами. Вместе с тем, отрицательные черты Феанора и феанорингов те же, что у Полиника – который в рамках полисного сознания древних греков был для Эххила злодеем именно потому, что развязывает братоубийственную войну против своих соплеменников.

Эту неоднозначность Толкин подчеркивает в одной из ключевых с идейной точки зрения сцен «Сильмариллиона»:

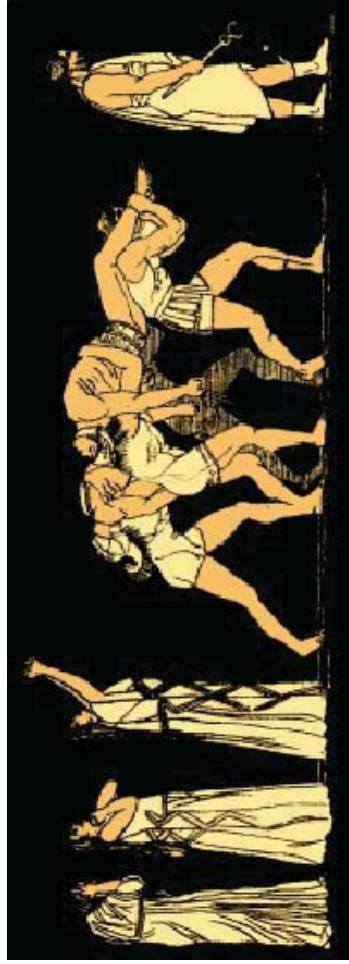
Рассказывали ваныяр, – те, что бодрствовали вместе с Валар, – что когда посланцы передали Манвэ ответы Феанора глашатаям, Манвэ зарыдал и склонил голову. Но при последних словах Феанора о том, что, по крайней мере, свершения нолдор будут вечно прославлять в песнях, Манвэ поднял голову, точно услышав голос издалека, и молвил: «Да будет так! Дорогой ценою заплатят за эти песни, и все-таки они того стоят. Ибо иной цены не дано. Только так, как и возвестил нам Эру, красота, доселе неведомая, должна прийти в Эа, и зло еще обернется добром». «И все же останется злом, – отозвался Мандос. – Скоро придет ко мне Феанор».

Моргот с чисто «силовой» точки зрения – один из «богов» (Валар), превосходящий силами любого из Эрухуни, и потому вера Феанора в возможность его одолеть своими силами – пагубная самоуверенность, гордыня, проявление хюбриса, ведущее его к гибели (посланец Манвэ предостерегает Феанору не удачу еще в Тирионе, до Приговора Мандоса). Но вместе с тем Моргот – злодей, и вызов ему – хотя и дерзость (отягощенная вдобавок неизбежными человеческими недостатками, ведущими их к совершению различных ошибок и проступков – как в случае Эльдар, так и в случае эдайн), но не преступление (12). Борьба против Моргота безнадежна – но не бесславна. Как говорит тот же Феанор: «Потому объявляю я, что мы пойдем вперед; и вот что добавлю я к вашему приговору: деяния наши станут воспевать в песнях, пока делятся дни Арды» («Сильмариллион»).

В связи с вопросом об отношении Толкина к той разновидности хюбриса, что относится к вызову высшим силам, необходимо упомянуть еще один очень показательный сюжет фиванского цикла, изложенный в пьесе Софокла «Царь Эдип» – знаменитую историю Эдипа, отца Этеокла Фиванского и Полиника. За преступление своего отца Лаия он проклят с рождения – он обречен убить собственного отца и вступить в брак с собственной матерью, совершив тем самым тяжчайший грех. Все попытки Эдипа уйти от своей злой судьбы тщетны и, напротив, ведут к реализации проклятия. В этом отношении Эдипу соответствует Турин Турамбар («победитель судьбы, судьбой побежденный», по определению его сестры Ниэнор), тщетно пытающийся

Показательная характеристика Полиника дается в финале трагедии Эсхила – в диалоге сестры покойного, Антигоны, желающей похоронить брата, с глашатаем, объявляющим, что тело Полиника как врага родной страны не удостоится похорон (10):

Глашатай:
Того, кто мерзок Фивам, хороня, почтись?
Антигона:
Его и сами боги чтили, помнится.
Глашатай:
Пока не начал этой угрожать стране.
Антигона:
Он зло творил, но только злом за зло платя.
Глашатай:
Из-за него на всех беда обрушилась.

Убитых Этеокла и Полиника уносят с поля боя (рисунок XIX в.)

В трагедии Софокла «Эдип в Колоне» Полиник предвидит свое и своих соратников поражение – так же, как предвидит его Феанор в свой смертный час:

О слезный путь! о горестный исход!
О, для какой, товарищи, судьбины
Оставили мы Аргоса поля!
О я, несчастный! не сказать друзьям,
Что ждет нас впереди; и нет возврата.
Одно осталось: молча смерть принять (перевод Ф. Ф. Зелинского).

Нельзя не отметить, что у Софокла Полиник является **старшим** из сыновей Эдипа.

Стоит заметить, что толкиновское осуждение хюбриса Феанора и феанорингов – куда менее однозначное, чем осуждение Эсхилом хюбриса Семерых. Семеро, за исключением

вопрос: почувствует ли это средний читатель? И ответ на него почти неизбежно таков: среднему читателю вовсе нет необходимости четко определять свои эмоции, чтобы ощутить это. Его или ее восприимчивость отзывается на материал, даже если его или ее разум об этом не знает. Если мы этого не принимаем, то мы должны признать, что огромная популярность произведений Толкина основана исключительно на захватывающем сюжете или каком-либо ином аспекте, угрожающем вкусам толпы. Это, в свою очередь, приведет к ограниченному взгляду на читателя Толкина и на его славу. Несмотря на то, что популярность, сколь угодно повсеместная, не является гарантией превосходного качества (можно вспомнить Генри Маккензи или Мари Корелли) (3), она иногда оказывается ответной реакцией на нечто глубинное в произведении в той же степени, что и на поверхностное.

Для последнего анализа отрывков из Толкина предлагаю первое описание Эовин, дочери Теодена:

Grave and thoughtful was her glance, as she looked on the king with cool pity in her eyes. Very fair was her face, and her long hair was like a river of gold. Slender and tall she was in her white robe girt with silver; but strong she seemed and stern as steel, a daughter of kings.

Строг и задумчив был ее взгляд, и со сдержанной жалостью смотрела она на короля. Прекрасно было ее лицо, а длинные волосы – подобны золотой реке. Высокой и стройной была она в белом платье, схваченном серебряным поясом; но сильной казалась она и суровой, как сталь, дочь королей.

Толкин снова использует преимущественно односложные слова. Его цель – приблизить слова к их корням, насколько это возможно. Большинство из них восходит к древнеанглийскому; и было бы интересно знать, сколько вообще слов норманнского и французского происхождения Толкин допускает во «Властелине колец». Но стремление к простоте может простираться и глубже, к возвращению языка к его основам, чтобы взглянуть на времена, когда слова и предметы, описываемые ими, могли быть более тесно связаны друг с другом. Это одна из идей Оуэна Барфилда, который, как было показано (в исследовании Верлин Флигер), оказал на Толкина значительное влияние. Описание Эовин не настолько живое, каким могло бы быть ее изображение в романе. Но это потому, что мы смотрим на персонажа, каким представляет собой взаимосвязь различных черт. Все они формируют ее образ из предыдущего повествования, а затем отражаются в последующем тексте: она не просто индивидум, но своего рода кристаллизация, даже символ. Символ событий, окружающих ее, и той культуры, из которой она возникает. Она серьезна и задумчива, потому что наблюдала, как на протяжении столь долго времени слабел ее отец (4); она смотрит на него со «сдержанной жалостью» (*cool pity*), потому что она знает, что его исцеление хрупко; она красива, высока и стройна, но также сильна. Два первых предложения начинаются одинаково – «*Grave and thoughtful was her glance*» («Строг и задумчив был ее взгляд»), «*Very fair was her face*» («Прекрасно было ее лицо»), но третье слегка отличается – «*Slender and tall she was*» («Высокой и стройной была она»): теперь уже не на нее смотрят, а она является ключевой фигурой, под стать своей силе. И мы перешли от ее взгляда к ее лицу и волосам, а

затем – к ее фигуре в целом. Когда описывается, что у нее длинные волосы и она стройная и высокая, в белом платье с серебряным поясом, а затем – что она сильная и суровая как сталь, мы неосознанно ощущаем, что она подобна мечу, оружию, которым живет ее народ. И именно такой она показывает себя на Пеленнорских полях, когда встает, защищая мечом своего раненого отца *[см. прим. 4]*, и убивает как летящее чудовище, так и предводителя назулулов, напавших на него. Там она тоже описана как «стройная и подобная стальному клинку, прекрасная и грозная». То, что кажется аналогией, оборачивается почти буквальной правдой. Когда нам говорят, что ее «длинные волосы подобны золотой реке» мы ощущаем эту «речность» волос, потому что ее идентичность как физического индивидуума показана столь неопределенно. Существует реальная взаимосвязь между персонажами «Властелина Колец» и их окружением: например, Фродо, Сэм, Мерри и Пиппин – это не просто хоббиты, но живое воплощение Ширы как он есть, Гимли – это своего рода холячая Мория, а Леголас – оживший лес, который сражается оружием леса, луком и стрелами.

Однако давным-давно, в «Современном фэнтези», я заявил, что сравнения с природой в этом самом отрывке, как и в довольно схожем описании Арвен, – «результат приспособности сосредоточиться исключительно на человеческой фигуре и увидеть ее живую». Толкин, похоже, теряет нить того, что он предположительно описывает, когда он изображает Эовин глазами Арагорна как «утро бледной весны, которая еще не достигла женской зрелости». Сейчас же я утверждаю, что цель Толкина именно в том, чтобы не выделять отдельные личности, но показать их как часть естественного и морального контекста, точно так же как зло есть часть прироеестественного. Какое из этих утверждений правильно?

Конечно, хоббиты выделяются, и Толкин позднее замечал, что «Сильмариллион» не настолько привлекателен для широкой публики, поскольку он недостаточно «хоббитизирован», чтобы дать читателям ощущение, что они не просто читают о воинах и героях далекого прошлого, но что в самом центре повествования находятся простые люди с простыми потребностями и страхами. Но суть не в этом: они выступают не только как носители Кольца, но и таких качеств, как упорство, благодушие и природная доброта, которые поддерживают их на протяжении всего пути. Восемь персонажей, сопровождающих Кольценосца, могут относиться к разным народам, иметь разные характеры и предпочтения, но вместе они образуют Братство, и на какое-то время тот факт, что их число равняется волшебной девятке, дает им гораздо больше, чем рутинное товарищество, против девяти призраков-назулулов. «Братство Кольца» – это девять личностей, объединившихся для одной цели, в то время как назулы – это девять призраков без права выбора. Если мы считаем, что эти последние выглядят более захватывающими или живыми, то это наша проблема, а не Толкина.

Хоббиты, как мы знаем, тесно связаны с физическим миром, живя в норах под землей: и земля, по которой они ходят, отражает их суть. Когда Сэм, Фродо, Мерри и Пиппин впервые отправляются в путь, местность вокруг обильна и пышна, как в Шире, так и в лесах вокруг. Но чем дальше мы продвигаемся, тем более пустынным становится пейзаж. Хоббитам приходится карабкаться по скалам Эмин-Муилл, пересекать зловонные болота, Итилиен представляет собой запущенный сад Гондора и высокие деревья в нем умерли, а их место заняло буйство спутанных кустарников – все это становится предвестником мрачных обнаженных скал Мордора, где

В «Илиаде» Гомера Семерым противопоставляются их сыновья, «эпигоны» – успешно захватившие Фивы и возведшие на фиванский трон сына Полиника Терсандра при поддержке богов (ср. с Войной Гнева, где преданные Валар ваньяр и аманские нолдор преуспели, победив Моргота, там, где нолдор-изгнанники потеряли поражение). Сын Капанея Сфенел отвечает на упреки «царя царей» Агамемнона следующие:

Мы овладеть и сдалищем Фив семивратных сумели,
В меньшем числе подступивши под более крепкие стены,
Знаменьям веря богов и надеясь на зевсову помощь.
Наши ж отцы безрасудным нечестьем себя погубили...
(перевод В. В. Вересаева)

Особенно трагичен образ одного из Семерых – прорицателя Амфиарая, заранее знающего, что поход обречен и он погибнет, осуждающего и Полиника, и загянную им братоубийственную войну (но вместе с тем готового биться до конца за безнадежное и противное богам дело). По замечанию Этеокла Фиванского, благочестивый человек, присоединившийся к предприятию, враждебному богам, обречен вместе с ними:

На ниве злодеянья только смерть пожнешь.
Когда на судне на одном с оравом
Гребцов бесчинных славный, добротный муж
Плывет, он гибнет вместе с негождиями,
А если муж достойный, чьи сограждане
Враждебны к чужеземцам и богов не чтут,
Одною сетью с подлецами этими
Запутан – бич богов и по нему хлестнет.

Не менее трагичной оказывается судьба тех нолдор (и особенно – представителей семейства Финвэ), что были преданы Валар, но последовали за Феанором в Средиземье, в результате чего Приговор Мандоса был распространен и на них.

Вместе с тем интересно, что в истории Семерых против Фив вождь Семерых – Полиник – в отличие от других носителей хобрита в античной традиции (таких как Сизиф, Тантал и Салмоней), убежден, что боги и правда на его стороне: на его щите изображена Дике, богиня правды (в античной традиции обычно – еще у Гесиода – противопоставленная хобрису как нарушению моральной нормы), которая, как считает Полиник, низложит Этеокла и водворит Полиника в доме его отца (8). Пусть даже Полиник, по мысли Эсхила, заблуждается (о чем говорит сначала Амфиарай, а потом и Этеокл Фиванский) (9), он заблуждается искренне. В этом отношении его можно сравнить с Феанором, который считает, что правда на его стороне, что он борется за лучшее будущее для своего народа и апеллирует (в том числе в своей Клятве) к Эру.

Клятва Семерых (рисунок XIX в.)

Участники похода изображены как хвастливые и высокомерные люди, выражающие надежду овладеть Фивами даже вопреки воле богов. Один из них, Капаней, клянется разорить Фивы даже вопреки воле Зевса (6); ту же клятву дает и Партенопей. Другой из них, Этеокл (тезка фиванского Этеокла), говорит, что его не одолеет даже сам Арес. На щите еще одного из них, Гиппомедонта, изображен враг богов-олимпийцев, великан Тифон (7). Разумеется, их гордыню боги не оставляют безнаказанной, и они терпят поражение, а Полиник гибнет в поединке со своим братом Этеоклом (который, однако, также погибает).

Смерть Капанея (рисунок на греческой вазе)

растут разве что колочие кустарники, и, наконец, покрытых пеплом склонов самого вулкана. Все постепенно стирается до голого пейзажа мира, который вернулся к своим основам. Роковая гора стоит посреди равнины, практически лишённой жизни, во многом напоминающая то, как выглядела сама земля на протяжении миллиардов лет своего существования. Вот что означает Саурон: репресс к архейскому периоду огня и шлака. И параллельно этой эрозии Фродо тоже разрушается, пока он и Сэм не превращаются просто в пищащие призраки на границе Мордора и туго натянутой канат воли Фродо не истончается.

Это постепенное опустынивание пейзажа сопровождается изменениями, которые происходят с Фродо. Чем больше он продвигается на пути к Мордору тем сильнее он чувствует усталость, тем сильнее желание бросить миссию и тем больше искушает его Кольцо. Только сила воли и Сэм поддерживают его на долгом пути, и когда, наконец, Кольцо нужно бросить в Роковую гору, сила воли оставляет его. Само его тело становится тоньше и все больше теряет прочность: на краю Мордора он и Сэм – «пищащие призраки». Таким образом, изменяющийся пейзаж, через который проходит Фродо во «Властелине Колец», можно рассматривать как более масштабную версию его собственного духовного пути.

Стиль Толкина, в котором, как мы видим, одна личность или отдельное качество вливаются в другие, есть часть сути Средиземья, поскольку воплощает то, как он видит взаимодействие людей в обществе. Братство Кольца – это единое содружество девяти различных индивидуумов. Компания представляет собой срез различных рас Средиземья, за исключением орков: в ней представлены четыре хоббита, гном, эльф и два человека, не считая мага Гэндальфа. Помимо необходимости отнести Кольцо к Роковой горе, присутствует необходимость народам Средиземья объединиться против Саурона, который угрожает им и уничтожит их всех тем скорее, чем больше они разъединены. Привлечь к содружеству других – эльфов, всадников Рохана, Древоборода и энтов, наместника Гондора Денетора и мертвецов, связанных обетом помочь живым, – все это сложно и занимает большую часть повествования. Некоторые слишком долго были сами по себе – Теоден, который прислушивался в своем полутемном зале к коварным советам Змеюста, Денетор, сидящий в высоком покое в Minas-Tirite, размышляя о смерти Боромира и впадая в отчаяние. Даже энты слишком долго были изолированы в Фангорне, не замечая вреда, причиняемого Саруманом и его приспешниками в окрестностях Изенгарда, пока хоббиты Мерри и Пиппин не привели Древоборода туда и не показали ему разрушения (6). В это время принц Фарамир находится в изгнании, принц Эомер ведет рохиррим туда, куда ему заблагорассудится, а Араторн становится простым Следопытом в пустошах. В конце концов, именно зло оказывается отрезанным от других. Саруман и Саурон, не желающие компании, живут в одиночестве в высоких неприступных башнях; и Саруман встречает свой конец, потому что постоянно унижает Змеюста, когда они оказываются сведенными вместе. Сама тема книги – уничтожение мании величия, гипертрофированного «я», воплощенного в бесконечном круге Единого Кольца.

Литература, которую пишет Толкин, социальна и универсальна. Это не роман с ограниченным набором персонажей и типов человеческого поведения, не камерная сказка, произошедшая в каком-то конкретном месте или времени, но героическая история, которая выстраивается в один ряд с другими героическими историями Средиземья. Это лист с Древа

Сказок. Компания сталкивается с мертвыми, хранящими память о древней битве, они встречаются с Томом Бомбадилом, который существовал в Средиземье с самого начала, они слышат о Берене и Лутизн, о падении Нуменора, о Гил-Галаде и Элендиле и о Погибели Исильдур. И «Властелин Колец» – это лишь одна из историй в долгой борьбе со злом, которое Мелькор ввел в изначальную песнь творения Айнур. Гэндальф называет это «долгим поражением» (5), так как хотя Саурон и побежден, зло никогда не будет полностью уничтожено в этом мире и в пределах времени. Это эпопея целого мира народов.

Будет справедливым отметить, что Толкин не желает быть оригинальным в общепринятом смысле этого слова. Он всегда напоминает нам, где бы мы ни находились, о том, что тот или иной персонаж или действие схожи с другими, возможно, более великими, бывшими прежде, и в каких бы странных местах мы ни оказались, они вошли в историю благодаря кому-то другому. Цель Толкина всегда была в том, чтобы показать общество через индивидуума, историю, которая живет в настоящем, миф, который ощущается в фактах. Он говорит о пробуждении (*awakening*) посредством своих описаний холмов, рек и долин – «Холм, Река, Долина», при этом он не обращается к абстрактным концептам, но возвращается к истокам. В этом смысле все повествование Толкина мистично: оно основано на постоянном воссоздании прошлого, что в конечном итоге, приводит нас к первым песням Айнур о создателе мира Илуватаре. А Илуватар – это наш Бог в ином существовании так же, как Малельдил в «Переландре» К.С. Льюйса или Аслан в Нарнии.

Так «Властелин Колец» – это христианская история? Толкин верил, что волшебная сказка обладает привилегированным доступом к правде, поскольку история Христа есть сказка, которая буквально стала правдой, и жанр сказки освящен этим как никакой другой. Основной ритм вселенной эвкатастрофичен: из величайшей потери и боли рождается чудесная и неожиданная радость. «Рождение Христа – это эвкатастрофа истории человечества. Воскресение – это эвкатастрофа повести о Воплощении. Эта повесть начинается с радости и радостью завершается» (ТЛ, р. 63) (*перевод С. Лихачевой*). Толкин пишет об изолированности современного человека и современной истории от поддерживающей силы той самой великой сказки. В этом глубинный смысл «Властелина Колец» – не аллегория, не актуальность для современности, не политика и не мораль, но постоянное участие в том великом ритме божественной любви, которая значит больше, чем все остальные, рассказанной в освященном жанре волшебной сказки, через которую «Все сказки могут однажды сбыться» (ТЛ, р. 63) (*перевод С. Лихачевой*).

В таком случае, «Властелин Колец» «христианский» в той же мере, что и сказки или мифы, так как участвует в той же модели, еще одним литературным воплощением которой он является. Но в нем можно отследить и другие христианские мотивы, в частности, что путь христианина ведет сквозь сомнения и печали к блаженству. Такая история довольно редко встречается в современном фэнтези – история, представляющая собой движение по карте к предопределенной цели. Многие места, которые мы посещаем, отчасти ожидаемы. В этом смысле «Властелин Колец» напоминает средневековую поэму «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», которую Толкин редактировал. Но еще сильнее его сходство с паломнической литературой, только что конечная цель – это место зла. И в паломнической литературе только одно произведение выделяется так же, как и «Властелин Колец» живым описанием предопределенного путешествия

Однако даже в своем падении нуменорцы выглядят величественно, как и положено трагическим героям:

И вот король облачился в доспехи и возложил корону на чело свое, и приказал развернуть знамя, и дал сигнал поднимать якоря; и в этот час нуменорские трубы заглушили гром. («Сильмариллион»).

Нельзя не отметить, что в ходе Дагор Дагорат Ар-Фаразону и его армии будет дан шанс искупить свои ошибки (выступив на стороне врагов Morgoth):

Король же Ар-Фаразон и смертные воины, ступившие на землю Амана, погребены были под обломками скал; говорится, будто так и лежать им в каменном склепе Пещер Тех, кто Забыт – вплоть до Последней Битвы и Судного Дня. («Сильмариллион»).

Наконец, хюбрис как вызов высшим силам присутствует в истории сыновей Феанора – достаточно вспомнить о том, что Толкин характеризует Клятву Феанора как кощунственную (Письмо 131), а сама Клятва предусматривает возможность войны с «богами» (Валар) в случае их покушения на Сильмариллы. Подобно Прометею и Танталу античной традиции, поставившим под сомнение всезнание Зевса и богов в целом, Феанор ставит под сомнение компетентность Валар как правителей (4). Поведение Феанора в истории с Клятвой включает и такую важную компоненту хюбриса, как самонадеянность и чрезмерную веру в собственные силы – он полагает, что сможет победить Morgoth без поддержки Валар. Как говорит ему посланец Манвэ в Тирине:

напрасной была твоя клятва, ибо никого из Валар не под силу тебе одолеть в пределах Эа – сейчас ли, позже ли; даже если бы Эру, кого назвал ты, дал тебе могущество в три раза большее, нежели есть («Сильмариллион»).

В этом отношении историю Феанора и феанорингов можно сравнить с историей «Семерых против Фив», изложенной в одноименной пьесе Эскила (интересно, что Фивы – семивратный город, ср. с семивратным Гондолином у Толкина) (далее все цитаты из пьесы «Семеро против Фив» приводятся по переводу С. К. Алта).

Семеро против Фив – семь (на самом деле – восемь, ср. Феанор и семь его сыновей; у Эскила в одноименной трагедии в их число не включается главный союзник Полиника, аргосский царь Адраст) героев, руководимых претендентом на фиванский престол Полиником, собирающимся с их помощью отнять престол у брата Этеокла, изгнавшего его (ср. с толкиновским сквозным мотивом «убийства родичей», выраженным в истории Феанора и феанорингов, и с соперничеством Феанора и Финголфина за власть над холдор). Участники похода приносят совместную клятву бороться до конца (5).

это слово снабжено эпитетом, и этот эпитет имеет значение неодобрения. На самом деле известно, что слово *ofergot* всегда несет в себе суждение. В древнеанглийской поэзии оно встречается только дважды, причем один раз по отношению к Бьорнготу, а другой – по отношению к Люциферу. («Ofergotod») (перевод М. Каменкович)

Как уже отмечалось, хюбрис, на первый взгляд, тождественен гордыне в христианском понимании, и, казалось бы, его оценка должна быть сугубо отрицательной. Можно найти аргументы за эту точку зрения – например, ключевой антагонист, дьявол его вымышленного мира – Мелькор-Моргот, ведь он не признает над собой каких бы то ни было моральных ограничений и упрямился бы для себя, если бы мог, и законы природы:

Мелькор отверг все аксани. Он бы отменил (для себя) и все унати, если бы смог. На самом деле в начале, в дни его величайшей силы, самые разрушительные его действия исходили от его намерения так управлять Эа, чтобы не было никаких ограничений или препятствий его воле. Но этого ему достичь не удалось. **Унати сохранились, как постоянное напоминание о присутствии Эру и Его непобедимости, напоминание о со-существовании с ним других существ (равных ему в происхождении, если не в силе), не покоряемых силой. Из этого происходит его непрерывный и неутолимый гнев.** («Осанвэ-кента») (перевод Александра Голубина).

Однако у Мелькора полностью отсутствует такое качество трагического героя, движимого хюбрисом, как мужество (наличествующее, к примеру, у такого его «коллегия», как Сатана из «Потерянного Рая» Джона Мильтона) – даже на бой с Финголфином он выходит из страха, что он опозорится в глазах собственных военачальников. Кроме того, в сюжетах Первой эпохи (до Войны Гнева) его непосредственными противниками выступают чаще всего не превосходящие его высшие силы (Эру и Валар), а, напротив, уступающие ему по силе Детям Эру.

Классическая для античной трагедии триада «гордыня – ослепление – возмездие» присутствует в истории падения Нуменора:

Ар-Фаразон же наконец приблизился к самому Аману, Благословенному Королевству, к берегам Валинора; но по-прежнему ничего не нарушало тишины, и судьба мира висела на волоске. **Ибо в итоге Ар-Фаразон дрогнул и уже готов был повернуть вспять.** Дурные предчувствия овладели им, когда взглянул роль на безмолвные берега и увидел сияющую скалу Таникветиль – белее, чем снег, холоднее, чем смерть, немую, неизменную и грозную, словно отблеск света Илуватара. **Но гордыня владельца Ар-Фаразоном;** и вот сошел он с корабля и ступил на берег, объявляя эту землю своею, если никто не явится биться за нее. («Сильмариллион») (перевод Светланы Лихачевой; далее цитаты приводятся по этому переводу – прим. автора).

и постоянно подчеркиваемой целью – это «Путешествие Пилигрима» Джона Беньяна. Данное исследование не ставит целью показать множество параллелей между двумя повествованиями, но можно предположить, что Толкин бессознательно следовал нарративной модели Беньяна.

Я закончу утверждением, что «Властелин Колец» – это, в какой-то степени, версия изначальной истории творения мира Илуватаром, как она описана в «Сильмариллионе». Конечно, его непосредственной темой является обратное творению, уничтожение Единого Кольца: но это не конец истории. На протяжении всего повествования, начиная с маленького мирка хоббитов, окруженного неизведанными обширными пространствами Средиземья, подобно Илуватару, окруженному вначале пустотой, мы следуем за различными членами Братства и знакомимся с огромным миром Средиземья и его многочисленными народами. С каждым их шагом Средиземье оживает, и само путешествие по нему есть своего рода творение, точно так же, как и создание вселенной Илуватаром – разнородность творения Божественного. И опять-таки, когда музыка заканчивается, Айнур было сказано, что их пение создало мир в воображении, но не в реальности: они должны теперь спуститься в пустоту, чтобы воплотить то, что они представили в песне. Это похоже на руководство, полученное Фродо в Ривенделле, когда он узнает, что он должен пойти и как он должен осуществить данную ему миссию, но затем он должен собственно двинуться в путь и сделать задуманное, превращая план в реальность.

В «Сильмариллионе» (1977) мы видим, что каждая история следует модели в изначальной музыке, в которую постоянно вмешивается воплощение зла, Мелькор. Таким образом, у нас есть истории на протяжении того, что Толкин называл «долгим поражением», по причине которого Феанор и его связанные клятвой сыновья приносят раздор и разрушение в равной степени детям Илуватара и самой Арде. Но в сказке «Властелин Колец» мы подходим ближе к изначальному, более счастливому, замыслу музыки, поскольку Саурон, слуга Мелькора, в конце концов, уничтожен вместе с Кольцом. Толкин утверждал, что это эвкатастрофическое видение было верным, но он так же знал, в глубине души, пережив смерть друзей на войне, длительное разрушение Англии развивающейся промышленностью и вырубание каждого дерева, стоящего на пути прогресса, что «чудовища были противниками богов, предводителей людей, и со временем чудовищам предстояло победить» (Weonilf, p. 22) (перевод М. Артамоновой). Как примирить два видения – данное во времени и в вечности – было для него, как для любого христианина, великой жизненной дилеммой. На краю Роковой горы Толкин дает нам оба видения: в последний момент вместо того, чтобы бросить Кольцо в огонь, Фродо надевает его и, по сути, превращается в чудовище. С другой стороны, то, что Фродо пощадил жизнь Голлума, оказывается вознаграждено, когда Голлум бежит к нему, откусывает палец вместе с Кольцом и затем, потеряв равновесие, падает в пропасть. Оба видения верны, но по отдельности одно из них принадлежит языческому мировоззрению, а второе – христианскому, пришедшему ему на смену.

Взгляд Толкина в полном смысле слова обращен в прошлое, а не в настоящее или будущее, несмотря на то, что христианская история принадлежит не только прошлому, но всем временам. Так, его история обращена назад, но не из ностальгии, а потому что это направление Реальности. Весь «Сильмариллион» посвящен постепенному угасанию и потере света Илуватара и постепенному отдалению детей Илуватара, из-за совершенного ими зла, от земель Валар. Путь Фродо может начинаться в Шире, но его цель – отнести Кольцо к его истокам и вернуть его

стихий, из которой оно родилось. Так же и Арагорн возвращает себе законную королевскую власть в Гондоре. И почти все волшебное, что есть в Средиземье, – эльфы, энты, Галадриэль и маги – должно вернуться за пределы Средиземья точно так же, как оно некогда пришло сюда. С этого момента только сама фантазия сможет вернуть этих персонажей на поля Средиземья, как в этой истории.

Но «назад» во «Властелине Колец» означает нечто большее. Не только Братство, но и окружающий его мир путешествует вместе с ним. Толкин понимает, что чувство отдаленности, которое мы испытываем в отношении животных и природы, есть результат Падения. «Острое ощущение этой обособленности уходит в глубокую древность, равно как и ощущение того, что связь была разорвана; странная у нас судьба, и вина лежит на нас» (ТЛ, р. 58) (перевод С. Лихачевой). В сказках это древнее единение может быть отчасти возвращено воображением. Именно это и сделал Толкин во «Властелине Колец». И это заметно не только в возвышенных моментах, таких как описание Лотлориэна или изображение Минас Тирита, сливающегося воедино с географией места, но и во всей истории о путешествии хоббитов в Мордор.

Примечания переводчика

(1) Мервин Пик – английский писатель, поэт, драматург и художник, один из ведущих мастеров современного фэнтези.

(2) «Это великолепно, но это не война» (фр.) – фраза, приписываемая генералу Боске, характеризующая действия британской кавалерии во время сражения под Балаклавой во время Крымской войны, которая оказалась практически полностью уничтоженной в ходе самоубийственной атаки русских позиций.

(3) Генри Маккензи (1775–1831) – шотландский писатель, его роман «Человек чувств» имел большой успех, несмотря на его посредственность.

Мария Корелли (1855–1924) – английская писательница, пользовавшаяся огромной популярностью у простой публики. Критики отрицательно оценивали ее творчество, считая ее книги слабыми, героев – плоскими, а сюжеты – растянутыми.

(4) Ошибка Манлова. Теоден принадлежит Эовин дядей.

(5) Ошибка Манлова. Эти слова в книге принадлежат Галадриэли, а не Гэндальфу.

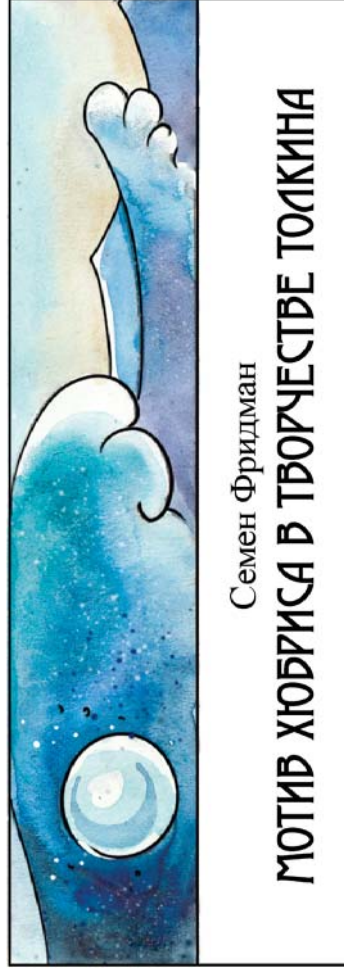
(6) Ошибка Манлова. Очевидно, он излагает события так, как они показаны в фильме Питера Джексона, а не описаны в романе.

Список сокращений

ТЛ – Tolkien, J.R.R. (1964) *Tree and Leaf*.

Beowulf – Tolkien, J.R.R. (1983) *Beowulf: Monsters and Critics*.

Цитаты анализируемых отрывков из «Властелина Колец» на английском приводятся по изданию: Tolkien, J.R.R. *The Lord of the Rings*. Collins Modern Classics, HarperCollins Publishers, London 2001.

Семен Фридман МОТИВ ХЮБРИСА В ТВОРЧЕСТВЕ ТОЛКИНА

В древнегреческой традиции существовало понятие «хюбрис» (ἕβρις) – неугодное богам поведение, влекущее за собой возмездие высших сил (1). Хюбрис связан с переоценкой своих сил, чрезмерной заносчивостью – ослеплением, персонафицированным в образе богини Аты (2). Термин «хюбрис», как отмечает В.Н. Ярхо в работе «Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии», мог иметь несколько значений: во-первых, это беззаконие, произвол, несправедливость в противовес Дике-Правде (Гесиод); во-вторых, это стремление к непомерному обогащению бесчестным путем (Солон), и, наконец, это стремление смертного нарушить установленный богами естественный порядок вещей, существующий в природе (Эсхил). Осуждение хюбриса в эллинской традиции перекликается с осуждением гордыни в авраамических религиях. В случае Легендариума Толкина наиболее интересно с точки зрения анализа эхилловское понимание хюбриса – ведь как человек, получивший классическое образование, Толкин не мог не быть знаком с трагедиями Эсхила и Софокла, где тема хюбриса часто затрагивалась (3).

Понятие «хюбрис» Толкин не использовал, но у него было эссе, посвященное сходному по смыслу понятию из англосаксонской литературы – *ofermod*. В посвященном этому понятию (в контексте древнеанглийской поэмы «Битва при Мэлдоне», посвященном поражению англичан от норманнов в 991 году, в котором погиб из-за своего безрасудства англосаксонский полководец Бьортнот) одноименном эссе он отмечает:

Что касается слова *ofermod*, то оно означает не «чрезмерно смелый», а нечто иное, если мы, конечно, признаем за корнем *ofer* полное значение, памятуя, как энергично вкус и мудрость англичан (какие бы поступки англичане ни совершали) отвергали всякую «чрезмерность». *Wita zeal geryldig... ne poefre giefres to georn, oer he geate sinne* (Мудрый должен быть терпеливым и никогда не хвалиться прежде времени). Но слово *mod*, хотя оно может включать или подразумевать значение «мужества», вовсе не обязательно означает «смелость», как и среднеанглийское *sorage* («Мужество», «отвага», ср. совр. англ. *courage*. – Прим. пер.) Это слово означает «дух» или -- если оно употреблено без эпитета – «высокий дух», наиболее обычным проявлением коего является гордость. **Но в слове *ofermod***

London: Harper Collins Publishers, 2002. (History of Middle-Earth. Vol. VI).

Tolkien J.R.R. *Morgoth's Ring. The Later History of Aman*. London: Harper Collins Publishers, 2002. (History of Middle-Earth. Vol. X).

Tolkien J.R.R. *The Peoples of Middle-Earth*. London: Harper Collins Publishers, 2002. (History of Middle-Earth. Vol. XII).

Примечания

- (1) При обсуждении слушатели на секции сделали несколько ценных замечаний, вспомнив неучтенных мной персонажей. Эти данные с благодарностью были включены в текст доклада.
- (2) Иногда эти обращения давали прямо-таки буквальные совпадения. Так эльфу Арондирю, влюбленному в смертную девушку, его собеседник говорит, что ранее было только два брака людей и эльфов, и оба ничем хорошим не закончились. И действительно, в Приложении А говорится, что этих браков было ТРИ, но третий – это брак Арагорна и Арвен, неактуальный для времен Второй эпохи. (Остальные два – Лютиэн и Берен, Туор и Идриль, а брак Эарендила и Эльвинг не учтен, видимо, потому что они оба **полуэльфы**.)
- (3) В тексте «Элессар», опубликованном в «Неоконченных преданиях», Толкин излагает 2 версии возникновения этого камня: либо тот, что носит Арагорн – тот же самый, что был изготовлен еще в Гондолине; либо он изготовлен Келебримбором в память о том, более древнем.
- (4) В связи с этим любопытно, что в 7 томе ИС приводятся 2 версии песни Бильбо об Эарендиле, несколько более подробные, чем представленная в книге, в частности – за счет добавления двух четверостиший, описывающих нападение сыновей Феанора на Гавани. Кристофер Толкин затрудняется определить, почему они не были включены в печатную версию книги и предпологает, что отец, возможно, не смог их найти к нужному сроку. Мне это объяснение казалось вполне убедительным. Но теперь, в рамках описанной тенденции, я думаю о том, что не-включение этого сюжета, возможно, могло быть сознательным.

Можно найти этому многообразию текстов и «внутримировое» объяснение. Либо, например, Арагорн мог посоветовать Бильбо не только упомянуть Зеленый камень, но и не упоминать некоторые подробности, даже если он «настолько смел, чтобы петь в доме Элронда об Эарендиле». Либо Бильбо, напротив, уже после сочинения песни поговорил о соответствующих сюжетах с Элрондом – и дополнил текст уже после исполнения.

(5) Похоже на имя **Дирхаваль** (автор «Нарн и хин Хурин»), но пишется несколько иначе – может быть, это еще один случай похоже звучащих имен с другими корнями?

(6) А его товарищ зовется **Дамрод** – ранняя форма имени одного из сыновей Феанора, известного нам как **Амрод**. Трудно сказать, считать ли в таком случае это имя «историческим» (это была бы уникальная отсылка к Первому дому!), так же, как и имя **Ингольд** (гондорский воин, с которым Гэндальф разговаривает о хоббите) похоже на прозвище Финрода **Инголло**.

Также любопытно, что один из темных нуменорцев, потомков Кастамира, носит имя **Ангамайте**, «Железнуюрукий», которое только в более поздних текстах станет прозвищем Ангрода, сына Финарфина! В данном случае, возможно, как и с Мардиллом Воронве, речь может идти о прозвище, использованном по его непосредственному значению.

Дж Р Р Толкин

О ФИНВЭ И МИРИЭЛБ

Составление и перевод:

Noremeldo Arandur, Аулин Тирэндиль

От составителей: Это глава из «Квенты Сильмариллион Эвнийя», проекта по систематизации текстов Профессора в новом переводе. Хотя это глава, но фактически – самостоятельный цельный текст, в котором собраны вместе фрагменты, относящиеся к истории Финвэ и Миризэль (до спора Валар). Ссылки на тексты отмечены римскими цифрами; на комментарии, в которых обращается внимание на неочевидные моменты – арабскими со звездочкой. Выводы составителей, не принадлежащие Дж.Р.Р. Толкину, даются в квадратных скобках.

С этого времени, когда три рода эльдар собрались, наконец, в Валинорэ, а Мэлькор был закован в цепи, начался Полдень Благословенного Царства и его полного славы и блаженства, долгий в повести лет, но в памяти слишком краткий. В те дни эльдар достигли совершенности телом и разумом (*1), и нолдор постоянно совершенствовались в навыках и знаниях; и долгие годы были наполнены их радостным трудом, в котором было изобретено много нового прекрасного и чудесного (†).

Нолдор наслаждались всеми знаниями и всеми ремеслами, и Аулэ и его народ часто приходили к ним. И все же Илуватар наделил нолдор такими навыками, что во многих вещах, особенно в таких, где требовалась находчивость и тонкость ручной работы, они вскоре превзошли своих учителей. [Говорят, что примерно в это же время], в 1169 году Древ (†), каменщики Дома Финвэ (*2), добывающие в горах камень для своего строительства (ибо они любили строить высокие башни), впервые обнаружили природные самоцветы, которыми земля Амана была очень богата. И мастера нолдор изобрели инструменты для огранки и придания формы драгоценным камням, и они огранили много камней, придав им формы, от которых кристаллы становились еще ярче и прекраснее; и они не копили их, а щедро раздавали всем желающим, и весь Валинорэ обогатился их трудом (†V).

Алмаз на взъязы называется *мириэль* (*miriel*), таково же было имя и жены Финвэ – Королевы Миризэль (*Miriel*). Но алмазы были найдены и названы именем того, кто их добыл, как и Миризэль получила свое имя. Поэтому, скорее всего, алмазы были названы алмазами в честь Королевы Миризэль.

[Также] в 1169 году Древ (I) Румил из Туны (I), наиболее известный из мастеров словесности, впервые изобрел буквы и начал записывать в письменной форме языки эльдар, их песни и мудрость (*3) (IV). [Однако некоторые говорят, что] нолдор многое добавили к учению Аула и очень любили языки и алфавиты (IV). [но именно] Аула в те дни, с помощью нолдор избрал алфавиты и письменность (IV). [И все же те, кто говорит так, – ошибаются]. Румил первым создал подходящие знаки для записи речи и песни, одни для вырезания на металле или камне, другие для рисования кистью или пером (I).

Королем нолдор (IV) [в те дни был] Финвэ, для которого не записано никаких других имен, кроме его титула Нолдоран, «Король нолдор» (V). Имя Финвэ происходит от корня *fin-* «волосы». У всех эльдар были красивые волосы. У Финвэ были черные волосы, но блестящие серо-голубые глаза (V).

В 1169 году Древ (I), в Полдень Благословенного Царства (I) родился в Эльдамаре в доме короля, в Тирионе на вершине Туны, старший из сыновей Финвэ и самый любимый (I). Куруфинвэ было его имя, но своею матерью он был назван Фэанаро, Духом Огня, и под этим именем он упоминается во всех сказаниях нолдор (III). По обычаю эльдар, в дополнение к своим «настоящим именам», которые были их отцовским именем и выбранным ими именем, эльфы часто получали другие или «добавленные имена». Из них самыми важными были материнские имена. Матери часто давали своим детям особые имена по своему выбору, наиболее значимыми из которых были «имена прозрения». В час рождения или в какой-либо другой момент мать могла дать своему ребенку имя, которое относилось бы к доминирующим чертам его природы, как она это воспринимала, или которое было бы предвидением и относилось бы к его особой судьбе. Имена такого рода могли стать более широко используемыми, чем отцовские имена (которое часто было только повторяющимся или видоизмененным именем отца); и если ребенок принимал материнское имя как «избранное имя», то оно становилось также «настоящим именем». Куруфинвэ взял имя Фэанаро, в форме речи тех дней, как его «избранное имя». Фэанор – форма, которую это имя приняло в более поздней речи нолдор-изгнанников (III).

Матерью Фэанаро была Мириэль (*4) (IV). Ее волосы были серебряными (*5), а глаза темными, но руки ее были искуснее любых рук, даже у нолдор. Ею было изобретено искусство иголок; и если хоть один фрагмент вышивки Мириэль можно было бы увидеть в Средиземье, он был бы дороже, чем царство короля, ибо богатство ее замыслов и огонь их красок были столь же многообразны и столь же ярки, как великолепие листьев, цветов и крыльев на полях Йаванны. Поэтому ее назвали Мириэль Тэриндэ (I).

Мириэль (*6) была эльда из нолдор, она была стройной и грациозной, как белый цветок в траве (III), и у нее был мягкий нрав, хотя, как позже выяснилось, в делах гораздо более серьезных она могла проявлять предельную настойчивость, которую совет или приказ сделали бы только более ожесточенной. У нее были красивый голос и изысканная и четкая дикция, хотя она говорила быстро и гордилась этим умением. Мягким и нежным был ее голос, и она пела, работая, как журчание воды, музыкой без слов (III). Однако ее главным талантом была изумительная ловкость рук. Она применяла ее в вышивании, которое, хотя и было поспешно-быстрым, но при этом, даже по мнению эльдар, было более тонким и сложным, чем все, что видели раньше.

По-видимому, остальное население Гондора продолжит давать имена на синдарине, среди которых будут встречаться, в том числе, «исторические»: так, внука Фарамира (автора «Повести об Арагорне и Арвен») зовут **Барахир**, а одного из персонажей «Новой тени», действие которой происходит во времена Эльдарiona, сына известного нам по ВК Беретонда – **Борлас**. Это второе имя особенно интересно: Борлас – еще один из сыновей верного вастака Бора, и это имя остается в легендарии за ним. (На основании двух имен странно высчитывать генденцию; оба этих героя, конечно, тоже героически гибнут, но, возможно, объединяет их также идея **верной службы**.) Впрочем, имена, не связанные с древними сказаниями, также продолжают встречаться в начале Четвертой эпохи (королевский писец **Финдегиль**; **Сазлон**, **Нельдор** и сын Борласа **Берелас** из «Новой тени»).

В поколениях, известных нам по хоббитским генеалогиям, вторжения «исторических» имен не происходит, однако, возможно, в более поздние годы распространение Алой Книги может и навести кого-то из их потомков на такие мысли, и в Шире появятся свои Берены и Эарендилли.

Подведем итог.

Сказания Первой эпохи повествовали для людей конца Третьей о временах столь далеких, что последствия их событий уже практически не могли касаться их напрямую (если это происходило, то было как-то связано с присутствием лица или предмета из тех времен, а не с древними сказаниями).

Тем не менее истории о доблестных предках-Эдайн по-прежнему были на слуху, и прежде всего – «Лэйтан», а также образы доблестных воинов-хадринов и морехода Эарендилли. В целом репертуар этих сказаний вполне соответствует описанному Толкиному составу сказаний «Атанатарiona». Кроме того, в памяти сохранялись имена авторов изобретений, глав древних племен и родичей более поздних правителей-эльфов. Древние раздоры эльфов, когда-то во многом определявшие их историю, по-видимому, могли интересовать разве что «книжных червей», целиком погруженных в древность.

Список сокращений

ВК – Властелин Колец

ИС – История Средиземья (*арабская цифра означает номер тома*)

КвС – Квента Сильмариллион

МТ – Преображенные мифы (*Myths Transformed*)

Литература

Толкин. Дж.Р.Р. История Средиземья. Том II. Книга Утраченных сказаний. Часть II. М.: АСТ, 2018.

Толкин. Дж.Р.Р. История Средиземья. Том V. Утраченный путь и другие произведения. М., АСТ, 2021.

Толкин Дж.Р.Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья. М.: АСТ, 2017.

Tolkien J.R.R. *The Lord of the Rings*. London: Harper Collins Publishers, 1995.

Tolkien J.R.R. *The Treason of Isengard. The History of The Lord of the Rings. Part Two*.

Третьей эпохи, 2800–2900-е гг., и три человека из четырех здесь уже вторые носители подобных имен: **Турии II**, **Тургон**, **Эктелион II** и **Денетор II** (за которыми, соответственно, должен был последовать **Боромир II**). Таким образом, наверняка семейно-родовые ассоциации уже также играют немалую роль, но добавление к ним Тургона показывает, что, по-видимому, исторические аналогии тоже могли учитываться. Сохраняется тенденция прошлой секвенции: некоторое внимание к древним Эдайи, и большее – к эльфам. Причем заметим, что все они (кроме так и не ставшего Наместником Боромира) носят имена, вполне укладывающиеся в ту же тенденцию сражения без надежды, тем более актуальную в конце Третьей эпохи – к ней подходят и гондорцы, и адан Турин, и даже лаяквендо Денетор.

Из имен, не связанных с родом Наместников мы, похоже, можем вспомнить из текста самой книги **Дуилина**, сына Дерухина, лорда Мортонда, у которого был брат **Деруфин**. (Оба брата погибли, затоптанные мумаком.) Дуилин – еще один лорд Гондоллина, упоминаемый, кстати, вместе с Эгалмотом: в обоих домах были воины-лучники, а когда Дуилин погиб, эльфов его дома далее вел Эгалмот. Таким образом, популярность сказания о падении Гондоллина, по-видимому, выходила и за пределы столицы.

Упомянем также известные нам женские «исторические» имена. Выше уже упоминались **Морвен**, сестра Наместника Диора, и **Риан**, сестра Наместника Ородрета. Мы видим, что имена детей в семье обязательно брались из одного сказания. Из сюжетов конца Третьей эпохи мы знаем также **Морвен** из Лоссарнаха, супругу Теодена, и **Финдуглас** из Дол-Амрота, супругу Денетора II.

Мы опять-таки можем предположить неоднократное обращение к истории Турина, а также – кажется, впервые – к истории Туора. (Это может неплохо сочетаться с возникающим в те же годы явным интересом к гондолинскому сюжету).

Еще одно любопытное замечание об именах в самом конце времени королей: детей короля Ондохера звали **Аргамир**, **Фарамир** и **Фиризль**. (Сыновья погибли, а дочь стала женой последнего короля Артедайна Арведуи, чья претензии на трон на этом основании Гондор отверг.) Любопытно имя Фиризли. С одной стороны, оно может означать просто «смертная», с другой – нам известна из сборника «Приключения Гома Бомбадила» песня о некой Фиризли, которая видит эльфийский корабль и не может на него взойти. Также персонаж по имени Фиризль действует в «Утраченном пути», где действие происходит в Нуменоре, в том числе исполняет песню на князя (песня, например, могла бы сохраниться с именем автора). Но, кроме того, из наиболее подробной версии истории Финве и Миризэль мы знаем, что это имя супруги Финве, данное ей после возвращения к жизни. (Впрочем, относительно текста ВК эта подробность анахронична, так что просто укажем на нее, не делая глубоких выводов).

Воцарение Арагорна, взявшего имена **Элессар** и **Телконгар**, а сына назвавшего **Эльдарион**, по-видимому, возвращает уцелевшую на Севере традицию создания новых, подходящих к конкретной ситуации имен. Однако неясно, насколько широко она будет распространена за пределами королевского дома.

Миризэль так же обладала превосходящим всех мастерством в ткачестве и шитье (II). Поэтому ее звали Тэриндэ (Рукодельница) *Therindë* (*berindë*) – именем-прозвищем, которое в действительности уже было дано ей как «материнское имя». Миризэль придерживалась произношения «t» («th») (оно было все еще обычным в ее детстве) (*7), и желала, чтобы все ее родственники придерживались такого произношения, по крайней мере, в отношении ее имени (*8) (V).

Любовь Финвэ и Миризэль была велика и полна радости, ибо началась она в Благословенном Царстве и в дни веселья (III). Но рассказывают, что при рождении сына Миризэль была истощена духом и телом (III) [так], что почти всякая сила, казалось, покинула ее (III); и что после его рождения она жаждала отдыха от труда жизни. И когда Миризэль назвала сына, она сказала Финвэ (III): «Никогда больше я не рожу ребенка; ибо сила, которая питала бы жизнь многих, перешла в Фэанаро» (I).

Финвэ был сильно опечален, ибо нолдор были в юности своих дней, и их было еще немного, и он желал привести много детей в блаженство Амана. Поэтому он сказал: «Наверняка в Амане есть исцеление? Здесь всякая усталость может найти покой» (III).

Но Миризэль продолжала чахнуть, и Финвэ обратился за советом к Манвэ (III). Тогда Манвэ исполнил просьбу Миризэль (I). И передал ее на попечение Ирмо (III) в Лориэн (II).

В 1170 году Древ (I) при расставании с Миризэль (на короткое время, как он думал) Финвэ был опечален, ибо это казалось несчастным случаем, что мать уедет и пропустит хотя бы начало детских дней своего сына (III). Свою усталость Миризэль терпела до тех пор, пока Фэанаро не вырос, но больше не могла терпеть (*9) (V).

«Это действительно несчастье, – сказала Миризэль, – и я бы плакала, если бы не была так утомлена. Но не вини меня в этом и во всем, что последует. Сейчас я должна отдохнуть. Прощай, дорогой Лорд!». В то время она не сказала больше, чем это, но в сердце своем жаждала не только сна и отдыха, но и освобождения от труда жизни. Затем она отправилась в Лориэн (III) и ее уложили спать на ложе из цветов, под серебряным деревом; и там ее прекрасное тело осталось неувыдшим на попечении дев Эсте. Но хотя она казалась спящей, дух ее действительно покинул ее тело и в молчании перешел на попечение Мандоса и поселился в доме Ванрэ (*10) (III).

Финвэ жил в скорби; и он часто ходил в сады Лориэна и, сидя под серебрястыми ивами рядом с телом своей жены, звал ее по имени. Но это было бесполезно, и только Финвэ во всем Благословенном Царстве лишился радости (*11). Через какое-то время он больше не ходил в Лориэн, ибо его горе усиливалось, когда он видел прекрасное тело Миризэль, которая не слышала его зова (III). И он отдал своему сыну всю любовь, которую имел к Миризэль; ибо Фэанаро (I) в детстве (III) был похож на свою мать голосом и выражением лица (I), и Финвэ был ему и отцом, и матерью, и между ними была двойная связь любви (III). И все же Финвэ был недоволен и хотел иметь еще детей (I).

Миризэль умерла по доброй воле: она оставила свое тело, и ее фэа отправилась в Залы Ожидания, пока ее тело лежало, словно спящее, в саду. Миризэль сказала, что устала телом и духом и желает покоя. Причиной своей усталости она считала рождение ею Фэанаро, великого умом и телом сверх меры эльдар (*12) (V).

Валар и все эльдар были опечалены горем Финвэ, но не встревожены: все могло быть исцелено в Амане, и ее фэа и тело могли, когда они отдохнут, воссоединиться и вернуться к радости жизни в Благословенном Царстве. Но Миризэль была непреклонна, и на все мольбы мужа и ее родичей, о которых ей сообщали (*13), и на официальные советы Валар она отвечала не более чем «еще нет». Каждый раз, когда ее звали вернуться, она становилась все более твердой в своей решимости, пока, наконец, не перестала больше слушать, сказав только: «Я желаю мира. Оставьте меня здесь в покое! Я не вернусь. Это моя воля» (*14) (V).

Миризэль, жена короля Финвэ, вызывала глубокую озабоченность у всех нолдор, и о ней говорили, что ее последним поступком, когда она оставила свою жизнь в теле и отправилась на попечение Мандоса, был глубокий вздох скорби, усталости (VI).

Итак, Валар столкнулись с тем, что они не могли ни изменить, ни исцелить: со свободной волей одного из Детей Эру, когоруо для них было незаконно принуждать — а в таком случае и бесполезно, так как сила не могла достичь своей цели. А через несколько лет они столкнулись с еще одним серьезным затруднением. Когда наконец стало ясно, что Миризэль никогда по своей воле не вернется к жизни в теле в течение любого промежутка времени, который мог бы дать Финвэ надежду, горе Финвэ стало озлобленным (*15). Он оставил свои долгие блдения у ее спящего тела и попытался снова заняться своей жизнью; и он странствовал вдалеке и вширь в одиночестве и не находил радости ни в чем, что он делал (V).

Поэтому Финвэ обратился к Манвэ, говоря: «Смотри, Лорд! я обездоленный, и единственный среди эльдар я не имею жены и не должен надеяться иметь сыновей, кроме одного, и у меня не будет ни одной дочери. В то время как Ингвэ и Ольвэ породили много детей в блаженстве Амана. Должен ли я всегда оставаться таким? Ибо я считаю (I), мое сердце предупреждает меня (II), что Миризэль больше никогда не вернется из дома Ваирэ» (*16) (I).

Тогда Манвэ сжалился над Финвэ и обдумал его просьбу. Но, так как это казалось Манвэ важным делом (II), и приход смерти (хотя и по доброй воле) в Благословенное Царство был серьезным предзнаменованием, о котором нелегко судить, Манвэ созвал Валар на Совет и приказал вождям и мастерам мудрости эльдар также присутствовать. О долгих дебатах Валар эльдар написали летопись. Они назвали ее «Намна Финвэ Миризэлло», «Статут Финвэ и Миризэль», и этот Статут сохранился среди книг Закона эльфов; ибо в ходе дебатов, прежде чем Статут был окончательно установлен приговором Намо Мандоса, многие вопросы, касающиеся эльдар, их судьбы в Арде, их смерти и возрождения, а также природы их брака, были рассмотрены и о них были вынесены решения (III).

Слово «Статут» используется здесь в более широком и более узком смысле: как название записи, сделанной эльдар обо всех делах, имеющих отношение к приговору Мандоса о Финвэ и Миризэль, а также как название самого суда (III). [Решение о том, как Финвэ может развестись с Миризэль, было принято] в 1172 году Древ (IV), [всего 2 валианских года спустя после того, как Миризэль заснула].

о Первой эпохе Боромир становится внуком Беора, и именно при нем эльфы выделяют народу Беора отдельную территорию в Дортонионе — Ладрос. Боромир как вождь племени становится первым ее правителем.

Анахронично внеся эту деталь в контекст списка Наместников, скажем, что эта аналогия вполне могла оказаться значимой для другого правящего рода. Таким образом, помимо одного лайквендо, мы видим шесть имен древних Эдайн. Все эти имена были даны в годы длившегося 400 лет Бдительного мира (он кончается в последние годы правления Денстора I; Боромир был явно рожден до этого). Таким образом, первое обращение к древнему легендарному происходит в относительно спокойные годы Гондора.

Далее следуют 4 Наместника (в том числе знаменитый **Кирнион**), и только одно из имен — **Хурин** — «исторично». Но поскольку это уже Хурин II, не считая Хурина из Эмин Арнен, трудно сказать, в честь каких предков — давних или недавних — оно было дано.

За ними начинается вторая секвенция исторических имен: в 2600–2700-х гг. подряд правят Наместниками **Ородрет**, **Эктелион**, **Эгалмот** и **Берен**. Если обратиться к расширенной версии списка, окажется, что в данном случае переход власти после бездетного Наместника не меняет тенденцию: Эктелион — сын сестры Наместника Ородрета по имени **Морвен**. (ИС 12. С. 205)

И здесь у нас впервые появляются имена эльфов, встречающиеся не поодиночке, а в рамках некоторой тенденции. Ородрет указывает на Нарготронд, но не вполне ясно, на чью историю — Берена или Турина (в событиях «Нарн» он более активный персонаж, но зато Финрод оставляет его **Наместником** в городе). Однако одно точно: все три эльфийских персонажа связаны с сюжетами о доблестных, хотя и безнадесных в итоге, сражениях с врагом; их города, те самые «Нарготронд и Гондолин» из поговорки, пали. Причем наличие не только Эктелиона, знаменитого своим поединком с балрогом, но и Эгалмота позволяет нам сказать, что Наместники имели возможность обратиться либо к песне, либо к хронике, довольно подробно описывающей падение Гондолина. Эгалмот упоминается только в версии этого сюжета из «Утраченных сказаний»: там он в определеннный момент боя действует вместе с Туором и одновременно с поединком Эктелиона. При этом падение Гондолина он пережил, а дальнейшая судьба его известна нам только в вариантах «Утраченных сказаний»: то ли он погиб при набеде **Мелько** на Гавани Сириона (ИС 2, с. 217), то ли увел эльфов впоследствии в Валинор (там же, с. 278).

Итак, возможно, к имени короля Нарготронда и гондолинцев привел образ войнов, сражающихся без надежды на успех, а к собственно эльфам мог подтолкнуть, возможно, еще относительно недавний приход народа Эорла, будущих роханцев. Эти люди, как мы видели, опознавались как потомки или родичи древних Эдайн, но все же были носителями более архаичной культуры, чем гондорцы. Эти последние могли ощущать себя в такой ситуации чем-то подобным эльфам Белерианда, народу более древнему и цивилизованному, к которым пришли Три Племена Людей. Впрочем, это все очень приблизительные догадки и попытки сопоставить появление имен с историческим контекстом.

Третья и финальная секвенция «исторических» имен Наместников начинается после еще троих, последний из которых носит «имя-обманку» **Горондир**. Это уже самый финал

Кроме того, первый из правящих Наместников, **Мардил Воронве**, носил прозвище, совпадающее с именем исторического персонажа, но поскольку тут же в списке оно переведено («Верный»), не слишком понятно, насколько тут был значим эльф-мореход из Гондолина (продолжение нуменорских тенденций?), а насколько – само значение имени.

Но в дальнейшем в роду Наместников мы видим более несомненные случаи, тем более что мы видим целые секвенции имен, когда правящие Наместники (т.е. старшие сыновья в семье) получали «исторические» имена протяжении нескольких поколений.

Непосредственно за Мардиллом следует три не связанных с древностью имени, а затем в течение 2200-х – 2400-х подряд следуют **Хурин**, **Туриин**, **Хадор**, **Барахир** и **Диор**, а за ними – знакомая нам по более поздним временам пара имен – **Денетор** и его сын **Боромир**. (Таким образом, Денетор II сам мог быть назван в честь предка из того же рода и сына назвал так же совершенно сознательно... возможно, зря: Наместник Боромир был ранен моргульским клинком, болел и умер рано для тогдашних потомков Высоких нуменорцев).

Как мы видим, начинается все со знакомого нам по «северным» (ривенделлско-арнорским) вариантам увлечения древними Эдайн, причем первыми в голову приходят в голову опять-таки хадоринги, и только потом беоринги; именно так, по-видимому, попадает в эту секвенцию имен полуэльф Диор, судя по соседству с Барахиром; самое известное имя из этого рода пока остается нетронутым.

Тенденция меняется на **Денеторе** – это имя еще до восхода Светил: персонаж из истории Зеленых эльфов, их предводитель, погибший в сражении после возвращения Моргота в Средиземье, в память о котором эльфы Оссирианда больше не избирали себе правителя.

Кстати, в более подробной версии списка Наместников, опубликованной в 12 томе ИС, говорится, что Наместник Диор был бездетным и Денетор – сын его сестры по имени Риан (ИС 12. С. 204) (женские имена, как мы видим, тоже могут быть «историческими»; их небольшую подборку мы рассмотрим немного позже). Так что отметим пока, что оно могло быть дано человеку, который изначально вовсе не рассматривался как правящий Наместник.

Ситуация с именем **Боромир** не менее любопытна. И здесь нам не обойтись без небольшого экскурса «извне» Арды. Это имя появляется в материалах о Первой эпохе 30-х годов (5 том ИС), но дано там одному из сыновей вождя вастаков Бора, погибших с ним, не изменив эльфам, во время Нирнаэт Арноэдиад (ИС 5. Анналы Белерианда, КвС 5 тома. С. 134, 287, 310). При этом в «Этимологиях» того же времени имена этой семьи вастаков охарактеризованы как «нолд[орские] имена, данные «Верным-людям», а конкретно имя Боромир, в отличие от остальных – как «старинное нолдорское имя... также используемое номами» (пер. М. Скуратовской и Д. Туганбаева), и приводятся его квенйские формы (ИС 5, «Этимологии»). С. 353, ВОР-). Неясно, подразумевал ли Толкин эту аналогию как рабочую, вводя это имя во «Властелин Колец», В примечании к Приложению Е об именах Дунэдайн он говорит, что большая часть их давалась на синдарине, и, приведя как пример имена **Араторн**, **Денетор**, **Гилгразн**, добавляет: «часто они были именами эльфов и людей, известными по песням и сказаниям о Первой эпохе (напр., Берен, Хурин). Некоторые немногие были смешанного происхождения, напр. Боромир» (по-видимому, подразумевается смешение синдарина и квенья, о которой речь шла перед этим). Тут нет прямого указания на «историчность» имени. Но в написанных уже в 1950-х годах текстах

Валар были очень обеспокоены тем, что весь их труд по охране Валинора, чтобы не допустить зла и тени Мэлькора, был бесполезен; если что-либо, живое или неживое, было принесено в Валинор из Средиземья и оставлено свободным или без охраны, оно несло на себе тень; и Валар осознали, наконец, насколько велик был вред, нанесенный Мэлькором в древности вестеству Арды (Ш), насколько велика была сила Мэлькора в Арде, которая была вложена в мир при его создании – ибо роль Мэлькора была такова, что все вещи, за исключением одного только Амана, имели склонность ко злу и к извращению своих правильных форм и направлений.

Арда Хастаина, или «Арда Искаженная», называли Валар этот мир. Ибо Ардой, или, в полном смысле, Ардой Алахаста, «Неискаженной», называли они мысль, которая была у них, у каждого в отдельности или у всех вместе, как у Совета под руководством Манвэ, о той Арде, в которой Мэлькор не принимал участия. Поэтому те, чье существование началось в Арде (Искаженной) и которые, кроме того, по своей природе был союзом духа и тела, черпая пропитание послед- него из Арды Искаженной (*17), всегда должны быть в какой-то степени подвержены горю, делать или терпеть неестественные вещи; и хотя пребывание в Амане могло служить защитой от этого зла, это пребывание не было полным излечением, разве что через долгие века. И при этой мысли тень легла на сердца Валар даже в полдень Благословенного Царства, предвестием печалей, которые Дети должны принести в мир (*18) (Ш). И это Искажение не могло быть те- перь полностью устранено даже раскаявшимся Мэлькором; ибо сила вышла из него и не могла быть отозвана, но продолжала действовать согласно воле, которая привела ее в движение (Ш).

Манвэ обдумал слова Финвэ; и через некоторое время он созвал всех советников эльдар (Ш), и приказал Мандосу заговорить и объявить свой приговор (Ш), и в их присутствии Мандос (Ш), стоя на холме Рока (Ш), произнес:

«Это закон Илуватара для вас (Это образ жизни, который predetermined вам Илува- тар), детей Его, как вы хорошо знаете, жизнь квенди не закончится до конца Арды; и что (Ш) Первороденные должны иметь только одного супруга и не иметь другого в этой жизни, пока существует Арда (*19). Но этот закон не принимает во внимание Смерть, которая приходит от Искажения Арды (Ш). Таким образом, этот приговор сделан по праву законодательства, кото- рое Илуватар передал Манвэ: если дух супруга, мужа или жены, покинувший тело, по какой- либо причине перейдет во владение Мандоса, тогда живущему будет разрешено на законных основаниях взять другого супруга (Ш). Но это может быть только в том случае, если прежний союз будет расторгнут навсегда (I). Как расторгнуть брак навсегда? По воле Мертвых или по приговору Мандоса. По воле Мертвых, если они откажутся когда-либо вернуться к жизни тела; по приговору Мандоса, если он не позволит им вернуться. Ибо союз, заключенный при жизни Арды, прекращается, если он не может быть возобновлен при жизни Арды (Ш). Поэтому тот, кто находится на попечении Мандоса, должен оставаться там до конца Арды и не должен снова проснуться или принять телесную форму. Ибо ни у кого из квенди не должно быть одновременно двух живых и бодрствующих супругов. Но так как не следует думать, что живущий по своей, его или ее воле будет ограничивать дух другого Мандосом, то это разделение произойдет только по согласию обоих. И после того, как оба дадут согласие, должно пройти десять лет Валар, прежде чем Мандос подтвердит разрыв (I).

Мы говорим «по воле Мертвых», ибо было бы несправедливо, если бы Живые ради своих собственных целей заточили Мертвых в Мандосе, лишив их всякой надежды на возвращение. Также несправедливо, что Мертвые отказом от жизни заставляют Живых оставаться в одиночестве до Конца; и поэтому мы заявили, что в таком случае Живой может взять другого супруга. Но поймите хорошо, что если это будет сделано, то отказ от жизни у Мертвых будет безвозвратным, и они никогда больше не вернуться к жизни в теле (Ш).

Браки среди эльдар существуют для живых (Ш). Поэтому вами должно быть отчетливо понято, что если воля о невозвращении провозглашена официально и утверждена Мандосом, то живущий партнер может законно взять другого супруга. Ибо это вопреки природе эльдар, жить без брака, и Мертвые не могут принуждать Живых оставаться одиночками против их воли. Поэтому, если Живые возьмут другого партнера, воля Мертвых не будет отменена, но станет приговором Мандоса. Ибо он не позволит никому из эльдар ходить живым в теле того, у кого есть две живые супруги (*20) (Ш).

Вот приговор Намо Мандоса в этом вопросе» (Ш).

Таков был приговор Намо в данном случае и во всех случаях, когда брак эльдар мог быть расторгнут смертью только одного из супругов (Ш).

И когда Мандос заговорил как Уста Манвэ, эльдар, что слышали его, спросили: «Как узнать волю или приговор?»; и ответ был: «Только обращением к Манвэ и заявлением Мандоса. В этом вопросе не будет правомерно ни одному из эльдар судить свое собственное дело. Ибо кто из Живых может узнать мысли Мертвых или предположить суждения Мандоса?» (Ш)

Тогда Манвэ позвал Финвэ к себе и сказал: «Ты слышал о приговоре, который был объявлен. Если Мириэль, твоя жена, не вернется, твой брак расторгнут, и ты сможешь взять другую жену. Но это разрешение, а не совет. Ибо разрыв происходит от Искажения Арды; и те, кто принимает это разрешение, принимают Искажение, тогда как скорбящие, которые остаются стойкими, принадлежат духом и волей к Арде Неискаженной. Это серьезный вопрос, от которого судьба многих может зависеть. Не торопись!» (Ш).

Финвэ ответил: «Я не спешу. Мой Лорд, и у моего сердца нет желаний, кроме надежды на то, что, когда этот приговор будет известен Мириэль, она все же смягчится и положит срок моей утрате» (*21) (Ш).

Ваирэ, с которой жила Мириэль, возвестила ей о приговоре и рассказала также о печали Финвэ (Ш). Но Мириэль ответила: «Я пришла сюда, чтобы сбегать из тела, и я не желаю когда-либо возвращаться в него (I). Моя жизнь ушла в Фэанаро, моего сына. Этот подарок я сделала тому, кого любила. Я не могу дать больше. За пределами Арды это можно вылечить, но не внутри нее. (Ш)»; и через десять лет рок разъединения был произнесен (I).

Тогда Ваирэ сказала Мандосу: «Дух Мириэль обитал со мной, и я знаю его. Он мал, но он силен и непреклонен: Мириэль одна из тех, кто сказал своего волю, и я делаю их слова законом, непреложным для них самих. Если ее не принудить, она не вернется к жизни или к Финвэ, даже если ему придется ждать, пока мир состарится» (Ш).

«сильный») – могло быть просто распространено в Арноре и уже не отсылать прежде всего к долблестному лучнику из Дориата, по несчастной случайности убитому Турином Турамбаром. Имена дундайн, не входящих непосредственно в линию Наместников, также не содержат исторических отсылок (**Халбарад**, **Дирхазль** (5), **Гилгранн**, **Иворвен** – последние три из «Повести об Арагорне и Арвен»).

По-видимому, в Арноре к исторической памяти обращались иными способами, помимо имен.

Среди королей Гондора два «исторических» имени появляются в самом начале истории королевства – это короли **Эарендилл** (I) (правил в 238–324 гг.) и **Турамбар** (правил в 541–667 гг.). Последующий список королей, правивших вплоть до 2050 года Третьей эпохи, где насчитывается около 30 имен, иных исторических аллюзий не знает; в 1700-е гг. появляется только знакомое нам по Арнору имя-обманка «Гарондор» (возможно, это указывает на еще нуменорское происхождение таких имен?).

По-видимому, ранее обращение к героям прошлого, потом уходящее, может быть еще нуменорским наследием, тем более что использовано имя славного прародителя. От имени Турина было взято прозвище, так что неясно до конца, насколько в данном случае была значима сама фигура великого воина, а насколько – смысл прозвания.

В начале III тысячелетия Третьей эпохи начинается время правящих Наместников, и, как сообщает нам соответствующий раздел Приложений, «они перестали использовать Высокоэльфийские имена», – притом, как мы увидим, именно они наиболее активно начинают использовать имена персонажей древней истории – впрочем, поначалу все-таки людские.

По-видимому, это может дать нам намек на то, в чем их отличие от квендйских имен, данных на языке, который не употребляется ни для общения, ни даже, скорее всего, для чтения большинства документов, в том числе исторических. Такова сфера употребления королевских имен: они составляют со значением, возможно, являясь чем-то вроде девица правления, а иногда, когда король по итогам побед принимает новое имя, – сообщением о достигнутых победах.

Имена на синдарине, языке, известном по крайней мере той части населения Гондора, которая имеет нуменорские корни, были частью повседневной жизни этих гондорцев. Многие из них тоже не имели отношения к сказаниям Первой эпохи, как показывают, например, имена жителей Минаса Тирита и входящих туда во время Войны Кольца глав воинских отрядов из разных провинций (**Иорет**, **Форлонг**, **Голастиль**, **Беретонд** и др.; кстати, имя Беретонд носил один из Наместников, и это показывает, что набор их имен вполне пересекался с именами «обычных» гондорцев – или по крайней мере минас-тиритцев.)

Однако определенное распространение имели и «исторические» имена. Первый из рода, давшего впоследствии правящих Наместников, жил в 1600-х годах и известен как **Хурин** из Эмин Арнен (это область на другом берегу Андлуна недалеко от Минаса Тирита); его тезка – **Хурин** Высокий, Страж ключей – живет в городе во время действия книги. Следопыт из отряда Фарамира носит имя **Маблунг** (6).

Заметим, что действующее лицо тут не Берен, а либо Лютэн, либо «они» вместе. Можно было бы, в дополнение к предыдущим примерам, попытаться определить, о чем же повествует «Лэйтган» для Фродо. Но говорить так не совсем верно, пожалуй. Он просто берет из «Лэйтган» мысль о том, что помощь может прийти свыше, и за счет этого отсутствия дистанции так же непосредственно ее реализует, не отождествляя себя с Береном, а просто зная, что помощь от тех, кто выше и сильнее тебя, может прийти. Так Лютэн пришла в подвалы Тол-ин-Гаурхол, и так по воле Элронда за спиной Фродо встала взбесившаяся река, а впереди ждал сам Элронд - потомок Лютэн со своим целительским даром.

Кроме него, кстаги, Лютэн в ВК упоминают еще Элронд и Арвен, связанные с ней лично. Возможно, Фродо в силу обстоятельности оказывается ближе к эльфийской точке зрения?)

Но есть случаи, когда имя – это даже не кратчайшая аллюзия на сюжет, а просто имя, данное человеку. Что они могут дать нам?

Что в имени?

Самой специфической версией упоминания героев древности оказываются имена, данные в их честь.

В Приложениях даны имена королей Артедайна, затем Арнора и вождей Дунэдайн, королей и Наместников Гондора.

Безусловно, зная имена ничтожной части населения той и другой страны, мы не можем судить об их распространении в арнорском или гондорском обществе в целом. Но, видимо, картину для образованной и одновременно аристократической прослойки населения мы можем попытаться представить. (Поскольку, судя по тому, что нам известно, эти королевства почти не знали именно междинастических браков, короли – а тем более Наместники и вожди Дунэдайн – никогда не были отделены от этой прослойки.)

Однако немалая часть приведенных имен не дает нам нужного материала – зато, по-видимому, показывает способы обращения с языками квеня и синдарин.

Списки королей Артедайна и Арнора практически не содержат «исторических» имен – хотя несколько раз появляются имена, напоминающие древние, но незначительно отличающиеся от них, при этом вполне осмысленные, опирающиеся на немного другие корни слов: **Тарондор**, **Эарендур**, **Келебриндор**. В дальнейшем появляется специфическая «королевская» форма имени, начинающаяся на Ар-; эту традицию сохраняют и вожди Дунэдайн, продолжая изобретать новые, значимые имена – или иногда давать уже известные, в память кого-то из своих предшественников. Таким образом, мы видим вполне живой синдарин, который не только помнят для чтения древних книг, но и сочиняют на нем новые слова.

Особняком стоит только королевское имя **Белет** – он правил в Арноре около 1000 г. Третьей эпохи. Именно его уникальность наводит меня на мысль, что, возможно, причиной его появления не обязательно был интерес к этому герою из Дориата. Возможно, это имя – короткое, фонетически простое и имеющее довольно ясное и вполне «героическое» значение

Но Мандос сказал: «Это не законно для Валар принуждать Мертвых вернуться»; и он призвал дух Мириэль предстать перед ним: «В этом вопросе должна править твоя воля, дух Мириэль, некогда жена Финвэ», – сказал Мандос. – «В Мандосе ты должна пребывать. Но будь осторожна! Ты из квенди, и даже если ты откажешься от тела, ты должна оставаться в Арде и во времени ее истории. Эльдар не такие, как Валар. Их дух менее крепок, чем ты считаешь. Не удивляйся поэтому, если твоя воля со временем изменится и этот рок, который ты берешь на себя, станет для тебя тягостным (*22). Да, и для многих других!» (III)

Но дух Мириэль хранил молчание. Тогда Мандос призвал ее невиновной, посчитав, что она умерла по причине невыносимой для нее нужды. Поэтому ее выбор был разрешен, и ее оставили в покое (II). Мандос принял ее выбор, и она отправилась в Залы Ожидания, значенные эльдар, и была оставлена в покое (*23). Тем не менее, Мандос заявил, что между провозглашением воли Мертвых и провозглашением приговора о разъединении должно пройти двенадцать лет (*24) (III).

Будучи молодым и энергичным, Финвэ не был доволен ее решением; и он все еще хотел иметь больше детей, чтобы принести радость в свой дом (*25). Поэтому, когда прошло двенадцать лет, он снова пришел к Манвэ (III). И когда прошел еще год (*26) Финвэ взял себе в жены Индис из ваньяр, сестру (хотя некоторые говорят, что родственницу) Ингвэ (I).

Примечания

(*1) Здесь речь идет об эльдар как народе, и в действительности эльдар достигли со-вершеннолетия телом и разумом примерно в 1250-м году Древ, через 3000 лет солнца после своего Пробуждения: «На Земле, пока ребенок-эльф только вырастал в мужчину или женщину, примерно через 3000 лет, леса поднимались и падали, и все лицо земли менялось, а бесчисленные птицы и цветы рождались и умирали год за годом под вращающимся Солнцем» (VII).

(*2) Дом Финвэ означает не просто из народа Финвэ, но из его рода (сравните: Дом Ингвэ – инвир, родичи Ингвэ). Дом Финвэ могли формировать его сестры, а, возможно, и братья, их супруги и дети. Таким образом, помимо потомков Финвэ существуют и родичи Финвэ.

(*3) Из главы «О языках калакэнди и Валар» мы знаем, что «квеня была рано зафиксирована в письменной форме», и только после этого ваньяр стали создавать ваньярин, а языки меняться. Таким образом, в год рождения Фэанаро все эльдар Валинорэ говорили на том, что впоследствии будет названо квеня, и эта «эльфийская латынь» произносилась с соблюдением звука *th*, в то время как позже многие эльфы стали говорить неграмотно и в словах (но не в письме!) вместо «th» произносили «s».

(*4) Здесь дано имя Бюрлэ Мириэль (*Burle Miriel*), слово *burle* – древнеанглийское и означает «вышивальщица». На квеня это имя будет переведено как Тэриндэ.

(*5) Таким образом, мы знаем, что у Мириэль была кровь тэлэри, но так как она названа «нолдэ», видимо, она была тэлэрэ по матери.

(*6) В «Утраченных сказаниях» Мэриль-и-Туринкви (Мэриль-Царственная) названа вайна (в тех текстах вайнар из-за путаницы зовутся тэлэри) из народа Инве, «но его родственники и потомки – это тот королевский народ, инвир». Инвир, это «королевский» клан внутри вайнар (VIII). Таким образом, в «Утраченных Сказаниях» смешаны воедино Королева Мириэль, супруга Финвэ, и Индие, из королевского дома инвир.

(*7) Из этого фрагмента мы узнаем, что Мириэль родилась уже в Амане и вышла замуж за Финвэ, будучи юной – так как Румиль создал первые руны для письма в год рождения Фэанаро, и ингивквэнья, «эльфийская латынь», квэнья со звуком «th» была записана в скором времени после этого. А дальше речь начала меняться, и многие эльфы вместо правильного «th» стали говорить «s». Таким образом «s» стали говорить уже после рождения Фэанаро. И слова «произношение «th» было *все еще обычным* в ее детстве», говорят, что детство леди Мириэль закончилось после того, как Румиль изобрел руны, а квэнья была записана и зафиксирована, но устно уже начали использовать «s» вместо «th», хотя «th» все еще говорили чаще. Так как аманский год был равен почти десяти солнечным годам, Румиль мог создать руны в самом начале года, а в конце года, как только детство леди Мириэль закончилось (около 50 лет), она могла выйти замуж за Финвэ и родить Фэанаро.

(*8) Как известно из «Шиболета Фэанаро», в прошлом слова с «s» и «th» различали по произношению все нолдор, но позже большинство стало говорить «s» вместо «th». Фэанаро заметил, что это привело к обеднению языка, смешению слов, в которых изначально был звук «s» и тех, в которых он появился из-за перехода. Для тех, кто заботится о языке и понимает его более полно, правильно произносить «F» в тех словах, где он был первоначально. Все учёные нолдор, знатоки языков, тайно или открыто соглашались с Фэанаро и осуждали смешение этих звуков (как неграмотное), как и языковеды ваниар. Во время Исхода Младшие Дома отвергли правильное произношение из-за отношения к Фэанаро и его деяниям, а вслед за ними неверное произношение («s» вместо «th») приняли люди. Но языковеды нолдор всё равно считали смешение звуков неверным и настаивали на том, чтобы разница сохранилась на письме. И сам Профессор, продолжая писать по английски слова через «s», на квэнья записывал их через тэнтву «th».

Тем, кто изучает квэнья, нужно говорить «th» в тех словах, в которых есть этот звук. Использование вместо него «s» ведёт ко многим проблемам:

1. Квэнья усваивается в неграмотном или позднем, деградировавшем варианте – язык объединяется с точки зрения фонетики, теряет один из звуков.

2. Это действительно вызывает смешение разнородных слов, появление лишних омонимов и путаницу.

Например, в словаре Хэльты Февекангера:

sára (1) *adj.* «bitter» (SAG)

sára (2) *adj.* «fery» (LT1:248)

sara (3) (*fb*) *noun* «stiff dry grass, bent» (STAR).

Но, кроме того, как было сказано выше, Эрендил являет собой самое своеобразное сочетание древнего предмета и древнего персонажа, будучи кормчим небесного корабля, несущего на себе видимый каждый день астрономический объект, и целая линия его упоминаний связана именно с этим. И здесь мы как раз видим случай непосредственного влияния «звезды Эрендила» – то есть Сильмарила – на происходящее. Галадриэль, разговаривая с Фродо, приветствует его восход: «Эрендил, Вечерняя звезда, самая любимая эльфами, ярко сиял над нами» (ВК, гл. «Зеркало Галадриэли»). Отплывающим Хранителям она дарит фиал с пойманым в воде «светом звезды Эрендила» (та же глава). Сэм вспоминает про фиал, сравнивая их путешествие с историей Берена: у них тоже есть темная страна – и некий свет. И свет фиала в Кириат Унгол действительно придает силы Сэму, который решает нанести удар Шелоб, но дело не только в этом: «*Arya Eärendil Elenion Ancalima!* – воскликнул он, не зная, что сказал, потому что словно бы иной голос говорил через него...» (ВК, гл. «Логово Шелоб»)

Сэм произносит слова, которыми Эонве приветствовал Эрендила в Валиноре и которых хоббит, по-видимому, не слышал ни из какой песни или истории. Невольно хочется задать вопрос, что же это за «другой голос» – Галадриэли, передавшей им фиал? (Далее непосредственно в атаку он идет с криком «Галадриэль!» – кстати, сама Галадриэль знает эту фразу только в пересказе, и неизвестно, прямом ли.) Майя Эонве, которому не впервой противостоять Тьме? Самого Эрендила, помнящего эти слова? (Идею о горящем Сильмариле мы, пожалуй, отметем.)

Конечно, этот свет не убивает Унголиант, не спасает Фродо от ее яда и плена у орков – но все же дает надежду и оказывается тем самым «светом в темных краях», как обещала, вручая его, Галадриэль.

И этот случай, когда древность, явная до сих пор, вторгается в историю непосредственно, минуя сказания о ней – как непосредственно действуют сама Галадриэль или Элронд. Эрендил, таким образом, в самом деле остается в определенном смысле **действующим лицом**, а не только персонажем из легенд, где он – может быть, не самый известный герой. (И одновременно – это такой же вневременной персонаж, как Варда.) При этом «звезда Эрендила» (то есть Сильмарил) – тоже в определенном смысле такой же присутствующий и действующий предмет, как меч Нарсил или палантуры. (Кстати, определенная ирония средиземской памяти состоит в том, что Фeanop, конечно, известен как создатель Сильмарилов, но единственный до сих пор видимый из них называют именем совсем другого персонажа.)

(И еще одна ремарка о назывании имен в критической ситуации. Фродо, кажется, мало склонен рассуждать о древности: события, происходящие с ним здесь и сейчас, столь огромны, что сами – история и в аналогиях не нуждаются. Но вторая сторона того же – у него, пожалуй, нет никакой дистанции с этим прошлым. Так же, как Сэм призывает Галадриэль – которую он видел сам, Фродо прорывается к броду, спасаясь от нагулов со словами «Во имя Элберет и Лютлиэн прекрасной... вы не получите ни Кольцо, ни меня!») Возможно, что он знал что-то об этом сказании от Бильбо, – но в рассказе Арагорна мог услышать довольно выразительную мысль: «Тинувилэль спасла Берена из темниц Сауруна и вместе они прошли через великие опасности и сбродили даже Великого Брага с его трона, и забрали из его железной короны один из трех Сильмарилов...»

И другой момент. Великие герои древности – это прежде всего герои-воины. Это, конечно, обусловлено и контекстом происходящего – противостояние с Врагом в целом, конкретный бой с Шелоб. Но, скорее всего, речь опять-таки идет о наиболее распространенных образах.

И Берен оказывается известным слушателем избранных сюжетов «Лэйтиан», помимо похода за Камнем, еще и по сражению с пауками; а в Приложениях, при упоминании Кольца Барахира, которое Арведуи оставил лоссотам, а они позже вернули дундайн, проскальзывает еще один сюжет, также связанный с его подвигом: это было «то самое кольцо, которое Фелагунд из Нарготронда дал Барахиру, и Берен вернул, подвергаясь великой опасности». (ВК, Приложение А.1.3.) Так что определенную, хотя и меньшую, известность имел и Барахир (о его гибели кратко упоминает и Арагорн) – тоже вписываясь в которму великих воинов.

В ней мы, наконец, видим и Турина (а также его отца и прадеда) – именно как великого воина и «друга эльфов». Пожалуй, логично, что мрачная история Турина оказалась менее распространена к концу Третьей эпохи, но что-то о нем все-таки оставалось известным, и, скорее всего, это будет его противостояние с драконом, причем, возможно, не только финальная схватка, но и встреча во время боя, окончившегося падением Нарготронда.

По крайней мере, имя этого города было известно: мы дважды видим в тексте книги выражение «прежде, чем пали Нарготронд и Гондоллин», оба раза имеющее в целом значение «очень давно». Правда, оба раза его производят не люди: Гимли в песне и Галадриэль, рассказывая о своем прошлом. Но совпадение выражений – притом, что владычица Лоррена едва ли цитирует песню гномов и о гномах – наводит на мысль, что они оба цитируют какое-то распространенное выражение, обозначающее некоторую баснословную древность. (И тогда интересен вопрос: действительно ли Галадриэль имеет в виду, что она ушла до падения этих городов, или это именно понятное слушателям фразеологическое выражение, и мы можем не ждать от него хронологической точности?)

Наиболее сложная картина – с Эарендилем. (Туор кратко упоминает только в приложениях, как его отец; по-видимому, героем какого-то отдельного широко известного сказания он для этих времен не был.)

Эарендилль, конечно, предок нуменорских королей и герой песни, но при этом он же – отец реально присутствующего и в конце Третьей эпохи Элронда (о чем тот и говорит на совете, снова удивляя Фродо, для которого гибель Гил-Галада – все еще что-то невероятно древнее). Возможно, поэтому о нем не поют никакого отдельного эпоса в Ривенделле.

Кроме того, он, несмотря на участие в Войне Гнева, видимо, не попадает в категорию «великих воинов». Он скорее герой-мореход, искатель, может быть, иных земель и приключений – сюжет, который был определенно популярен в Нуменоре (возможный отзвук – упоминание в Приложениях о кораблях первых нуменорцев, «ведомых звездой Эарендилля»), но не слишком актуален в сухопутных Ривенделле и бывшем Арноре, и только в Гондоре, вероятно, может сохранить определенную популярность (но о гондорской специфике мы скажем ниже).

Здесь два первых слова – «горький» и «жгучий, огненный» – близки по смыслу и происходят от одной основы, а третье – «жесткая сухая трава» – не имеет к ним никакого отношения, потому что правильное произношение этого слова – «thaga». В квяэнья прилагательное, существительное и глагол могут быть одним словом, поэтому при произношении «saga» слушателю придется разбираться по контексту, идет ли речь о горечи и жгучести или о сухой траве...

Другой пример, в котором ещё легче запутаться:

saca- («к») (1) *vb.* «pursue, look for, search» (QL: 81; pa.t. *sacë*.)

saca- (*β*) («к») (2) *vb.* «draw, pull» (VT43:23)

По краткой фразе можно и не понять, растягивал ли говорящий свою одежду или разыскивал ее...

(*9) Мириэль уснула через 1 валианский год, после рождения Фэанаро – видимо, когда ее сыну было около 10 солнечных лет.

(*10) Мириэль не умерла и потому была не среди мертвых, но в доме Ваирэ, под печением о ней Намо.

(*11) Я не думаю, что это справедливое высказывание: маленький Фэанаро также должен был страдать.

(*12) Полагаем, здесь «великий телом сверх меры эльдар» – фраза не о росте, а о телесных дарованиях (сила, ловкость, искусность рук, выносливость). Об очень высоком росте обычно говорят иначе.

(*13) После «Сильмариллиона» Кристофера считалось, что Мириэль слышала мольбы своих близких, но была глуха к ним. Однако, поскольку дух Мириэль был в Мандосе, она не могла слышать живущих и их слова только передавали ей, видимо, маиар Фэангури.

(*14) Многие винят леди Мириэль за то, что, чем больше ее тербили, тем больше она хотела, чтобы ее оставили в покое. Но разве вы сами никогда не бывали в похожем состоянии? Когда вы уставали и собирались, отдохнув, что-то сделать, с кем-то куда-то пойти, но вместо того, чтобы вам дать отдохнуть, вас все время дергали и звали, так что в результате вы были просто не в состоянии что-либо делать? Но усталость Королевы Мириэль была куда больше. И если бы леди Мириэль не дергали (как это сделали позже), то она была бы готова выйти из Мандоса куда раньше, как это в итоге случилось со временем. И таким образом, все, кто звал Королеву и не давал ей прийти в себя из-за своего нетерпения, которое они считали заботой, привели к тому, что леди Мириэль осталась в Мандосе.

(*15) В этой фразе есть два очень важных момента: 1. Финвэ увидел, что леди Мириэль «никогда не вернется в течение того времени, что могло бы дать ему надежду». То есть Королева вернется когда-нибудь, несомненно, но не теперь, когда Финвэ желал, чтобы это произошло. 2. Финвэ стал озлоблен на Мириэль, не сострадав ей больше, но вина ее, что не может получить того, что желал. И потому... он жестоко обрек леди Мириэль на вечное пребывание в Мандосе, в то время как он будет жить с новой женой и «радоваться жизни в блаженстве Амана»

(*16) Но опять же – слова Финвэ «мое сердце предупреждает меня», были не словами предвиденья, а словами, порожденными страхом, нетерпением, эгоизмом.

(*17) Поскольку еда и вода в Искажённом мире несли в себе Искажение, то, принимая искажённую пищу и воду, тело могло строить себя только из Искажённых материалов – а потому само быть Искажённым и страдающим.

(*18) Однако Валар смогли сделать неискажённым Аман – кто знает, не замкнись они в Амане, а продолжай служить миру, ради чего когда-то и спустились в Арду, быть может, Искажение мира было бы преодолено, пусть хотя бы до той же степени, что и в Амане.

(*19) Возможно, после Амбармэта судьбы и браки будут пересмотрены, и, таким образом, к примеру, Атаринкэ Куруфинвэ не придется иметь отношения с его женой; как и многим иным.

(*20) Эти слова Мандоса кажутся очень странными, ведь речь идет о Мириэль или о ком-то ей подобном, но почему тогда Намо говорит, что не позволит быть среди живых тому, у кого есть двое живых супругов? Однако Намо открыто многое о будущем – и через несколько столетий все узнают, что тот, у кого есть две живых супруги, больше не покинет Мандос до Конца Мира. Хотя уже и не исправит этим никакое зло и не даст счастья леди Мириэль. Но в тот момент никто не понял, что Намо предрекает рок Финвэ.

(*21) К сожалению, это звучит так, словно Финвэ, угрожая Мириэль разводом, призывал ее вернуться в мир живых, не забывая о том, отдохнула Королева Мириэль или нет.

(*22) Ваирэ ошиблась, а Намо, говоря, что Мириэль передумает, был прав. Но большинство думало, как Ваирэ, и не слушало Намо.

(*23) От Королевы Мириэль, которая желала лишь покоя, требовали решения, но она была столь опустошена, что была готова отказаться от жизни и не могла обсуждать будущее даже с Намо.

(*24) Либо Намо изменил срок для всех подобных случаев, либо только для Мириэль и Финвэ, но Финвэ смог получить расторжение брака только 12 валианских лет спустя.

(*25) Финвэ желал принести радость в свой дом за счет того, что обрек на невозможность вернуться свою жену, юную леди Мириэль.

(*26) Между обручением и свадьбой у эльдар должен был пройти 1 год («Законы и обычаи эльдар»). И если Финвэ обручился с Индис в год, когда Королеву Мириэль навсегда оставили в Мандосе, то через год Финвэ как раз мог жениться на Индис.

Список использованных источников

- I. «Поздняя Квэнта Сильмариллион: О Финвэ и Мириэль».
- II. «Законы и обычаи эльдар».
- III. «Поздняя Квэнта Сильмариллион: Поздняя история Финвэ и Мириэль».

том, как он его добыл). Это история о бесконечном путешествии, начав которое однажды, уже невозможно остановиться и вернуться туда, откуда вышел. В общем-то, связь с собственной жизнью Бильбо тоже достаточно ясна, как и с другими его собственными песнями, где тема дороги и путешествия возникает довольно часто.

Пока речь шла о довольно развернутых упоминаниях героев и сюжетов. Есть еще ряд эпизодов, где все ограничивается совсем краткими упоминаниями – чаще всего имен, с расчетом на то, что слушатели понимают, о ком идет речь. Посмотрим, что они добавляют в общую картину.

Здесь мы тоже неизбежно встречаем упоминания Берена, и не одно, но, кроме того, наконец видим следы и «сказаний о доме Хадора» за пределами истории Эрендила.

Одно из них четко принадлежит речи персонажа. Элронд на совете говорит Фродо: «...и если бы величайшие друзья эльфов древности, Хадор, Хурин, Турин и сам Берен собрались вместе, твое место было бы среди них» (ВК, гл. «Совет у Элронда»).

Еще два упоминания относятся к речи автора, – но будем по-прежнему иметь в виду, что авторство книги в целом опять-таки хоббитское:

- Шелоб была подобна древним «созданиям в виде паука», «таким, с какими Берен сражался в Горах Ужаса в Дориате (!), и так пришел к Люттиэн» [*а здесь случайно потерялась завеса Мелиан!* – К./ (ВК, гл. «Логово Шелоб»)]

- ту же Шелоб нельзя было поразить только силами вооруженного человека, «даже если бы эльф или гном сковали этот клинок, даже если бы рука Берена или Турина держала его» (ВК, гл. «Выбор мастера Сэмвайза»).

Что можно отметить? Во-первых, выбор «списка героев», за вычетом «самого» Берена, героя № 1, отчетливо из того самого «сказания о доме Хадора», и даже конкретно – «О детях Хурина». Напомним, что «Нарн...» открывается фразой «Хадор Златовласый был владыкой эльдайн и верным другом эльдар», так что об этом достойном адане вполне можно было узнать не из отдельного сказания, а именно отсюда. Тем более, его имя в итоге получило целое племя людей, что и могло придать ему большую известность. Именно как главу дома его упоминает Фарамир, говоря о роханцах: они «произошли от тех же Трех домов Людей, что и нуменорцы вначале, может быть, не от Хадора Златовласого, друга эльфов, но от тех его сыновей и народа, что не ушли за море» (ВК, гл. «Западное окно»).

(Надо сказать, возможное ветвление этого племени людьми Фарамир излагает немного невнятно и неточно, но в основе верно; речь может идти скорее либо о не ушедших за море других потомках **Мараха**, имя которого до того носило племя, либо о его родичах, вовсе не переходивших горы; но исходно это действительно одно племя).

Так вот, список героев отчетливо хадорингский, и любопытно подумать, из чего исходит Элронд, называя именно их (и не называя, скажем, Беора или Барахира – а также Халет, но племя халадинов всегда остается несколько в стороне от остальных еще с самой Первой эпохи). Это может быть его собственный опыт – он все-таки внук хадоринга Туора. Но, возможно, он учитывает и слушателей (не только Фродо, к которому обращается, но и остальных находящихся на совете), для которых этот список тоже будет вполне валидным.

Гнева... Мы видим только историю подготовки к путешествию – самого путешествия – прибытия к Валинор и подготовки к новому, которое будет длиться еще очень долго...

И здесь нужно отметить еще одну деталь: мотив индивидуального восприятия этих сказаний. То есть, повторюсь, сами по себе события Первой эпохи (например, Клятва Феанора, проклятие Моргота детям Хурина, запрет Тинголом языка Квеня) уже ни на кого не влияют непосредственно. Но конкретный сюжет может по той или иной причине откликаться в душе, быть близким и понятным – скорее всего, не во всем своем многообразии, а каким-то конкретным аспектом.

Так, для Арагорна Лэйтиан – это история о невозможной любви или невозможной встрече, которые все же становятся реальны. И дело не только в том, что такая встреча произошла в его собственной жизни, и параллель с «Лэйтиан» ощущает и он сам, и окружающие (как показывает, например, его разговор с Элрондом в той же «Повести...»). Но он вспоминал тот же фрагмент «Лэйтиан», еще не зная, что сейчас встретит эльфийскую деву. По-видимому, тема разных судеб – и при этом взаимного притяжения – людей и эльфов была для него значима и ранее, возможно – в числе прочего в силу судьбы человеческого ребенка, жизнь которого была долгое время связана с эльфами. (Однако историю Турина, который так же ребенком оказывается среди эльфов, он для себя не выбирает.)

А вот Сэм Гэмджи, который слышит эту историю сначала от Арагорна, потом в Ривенделле, а позже по крайней мере дважды вспоминает в разговорах с Фродо в Мордоре. И для него, опять-таки в силу выпавшего ему пути, это оказывается иная история:

Вот Берен, он никогда не думал, что собирается добыть этот Сильмарил из Железной Короны на Тангородриме [*кажется, у Сэма из этой картины незаметно пропал Моргот! – К.Л.*], и все же он сделал это... и Сильмарил отправился дальше и пришел к Эарендилло (ВК, гл. «Ступени Кирит Унгол»).

И позже, на самом склоне Ородруина, не надеясь спастись, он сравнивает их собственную историю со слышанной в Ривенделле «историей о Берене Одноруком и Великом Камне» (ВК, гл. «Кормалленское поле»).

То есть для него это тоже история о **невозможном**, но в данном случае – о невозможном задании, которое все же надо постараться выполнить, и не о Берене и Лютхиэн, а о Берене и Сильмариле.

Так и для Бильбо, судя по его песне, упомянутой выше, история Эарендила была настолько лично значима, что он оказался «настолько смел, чтобы слагать стихи об Эарендиле в доме Элронда», его сына (как передает сам Бильбо слова Арагорна). И для него это не история спасения из Гондолина, спасения Средиземья и даже не приключения в дальних странах (лук из «драконых рогов» у героя к моменту отплытия уже есть, и мы ничего не узнаем о

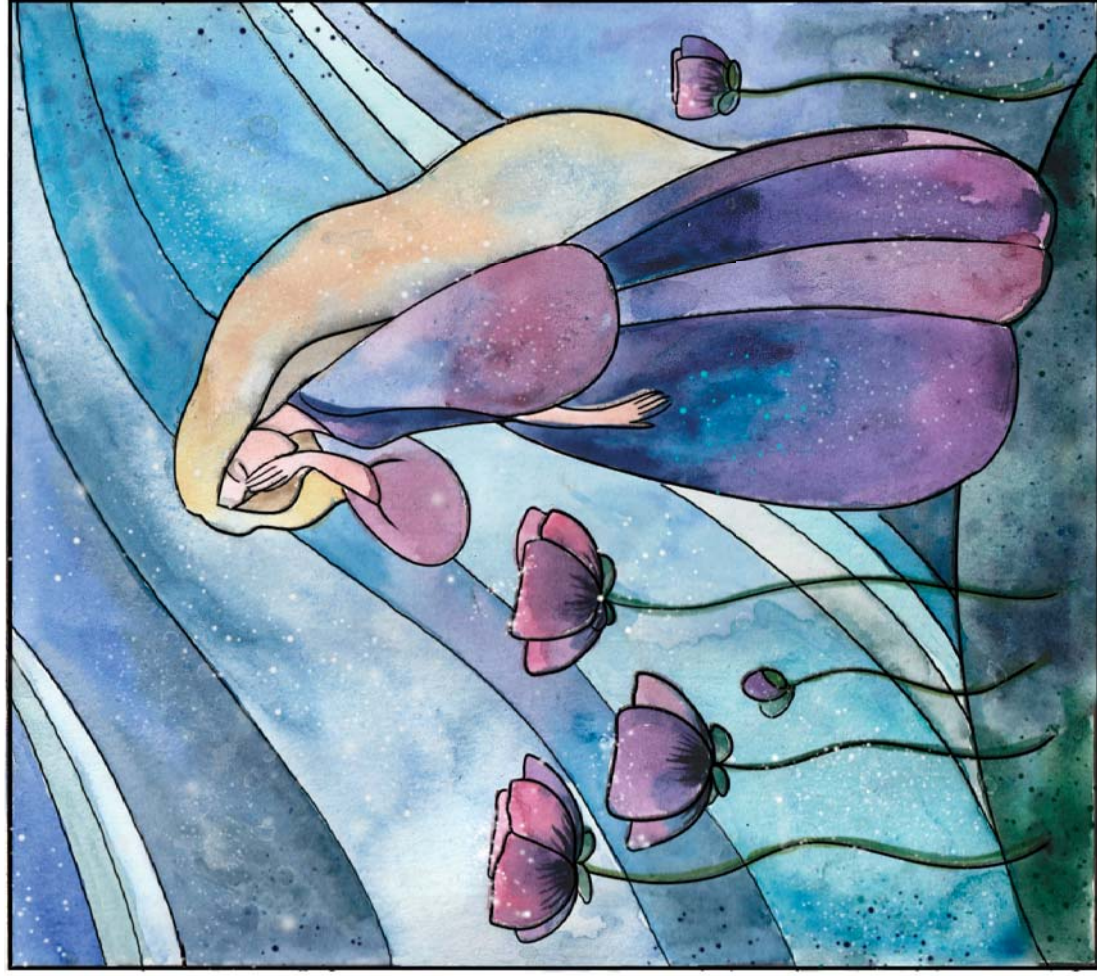
IV. «Анналы Амана».

V. «Шибболет Фэанора».

VI. «Квенди и Эльдар».

VII. «Преображенные мифы», XI.

VIII. «Утраченные Сказания», Т.1. «Музыка Аинур».

Кеменкири (Екатерина Лебедева) «ЛЕГЕНДЫ ВСТАЮТ ИЗ ЗЕЛЕНОЙ ТРАВЫ»: ГЕРОИ И ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ЭПОХИ ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ»

(Доклад на конвенте «Вескон» 25 февраля 2023 г.) (1)

Несколько предупреждений

Источником вдохновения для этого доклада оказался вышедший в прошлом 2022 году сериал «Кольца власти». Его создатели, как известно, имели право использовать только информацию из текста «Властелина Колец» и приложенный к нему (в них-то прежде всего и содержится сведения о Второй эпохе и более ранних временах). И встречая в фильме очередную оригинальную трактовку прошлого Арды, мы с друзьями не раз отправлялись проверять: что же там было написано, в этих Приложениях, что можно было так интерпретировать? (2)

И постепенно, отделившись уже от конкретики сериала, у меня возникла идея: рассмотреть, как в книге представлен образ давнего прошлого, что в нем есть, чего нет и можно ли увидеть какие-то закономерности.

Кроме того, хотя речь в докладе пойдет о древних временах, к теме нынешнего конвента, хоббитам, он все-таки имеет непосредственное отношение. Ведь именно хоббиты созданы в Арде ту самую книгу, которая нам известна как «Властелин Колец». Так что мы изучаем кругозор образованного хоббита начала Четвертой эпохи, например – Сэма Гэмджи и его детей. Впрочем, поскольку в составе текстов, входящих в те самые Приложения, есть информация, пришедшая также из Ривенделла (через Бильбо), Гондора и Рохана, то можно сказать обозначить рамки более широко – речь пойдет о кругозоре людей Западной Средиземья конца Третьей – начала Четвертой эпохи. Не единичных «книжных червей», погруженных в древность и читавших в том числе летописи и другие документы тех времен, но людей, имеющих какое-то общее представление о древности, хотя они и не составляют их основной интерес в жизни.

Материалом будут почти исключительно текст ВК и Приложенный к нему, иные тексты Толкина будут привлекаться прежде всего для аналогий. Собственно текст романа и приложения будут использоваться примерно в равной мере, поскольку речь идет именно об общей единой картине, которая возникает после ознакомления с ними.

Давайте посмотрим, насколько представленная в книге Первая эпоха соответствует рамкам этих сказаний.

Присутствие сюжета «Лэйтиан» несомненно. Мало того, именно с него начинается вторжение Первой эпохи в мир и сюжет ВК: когда в упомянутой уже сцене на Амон Сул Арагорн поет балладу о встрече Берена и Люттиэн, а затем кратко рассказывает остальной сюжет – и последующие события, приводящие от рода Люттиэн к Элронду и королям Людей. Это, в частности, показывает нам, как именно чаще всего бытуют древние сказания вне древних же рукописей, где можно найти и хронику, и «Квенту Сильмариллион», и поэму «Лэйтиан» целиком. Затем в доме Элронда герои получают возможность услышать «полностью лэ о Берене и Люттиэн и отвоевании Великого Камня» (ВК, гл. «Кольцо уходит на юг»). При этом Арагорн перед песней упоминает, что «теперь не осталось никого, кроме Элронда, кто помнит ее верно, так, как она рассказывалась в древности» (это давно наводит меня на мысли об авторстве поэмы). Так что, скорее всего, за пределами Ривенделла, среди смертных, если где-то и хранятся полные рукописи поэмы, то вряд ли ее часто исполняют целиком. Скорее всего, происходит что-то близкое к тому, что поет Арагорн: некий яркий законченный эпизод истории – фрагмент самой поэмы или самостоятельное произведение – которое может сопровождаться пояснительным комментарием о том, кто такие эти герои и что с ними было до и после. Исполняться они могли на Всеобщем языке или – там, где аудитория могла оценить – на синдарине. Неясно, существовал ли перевод полной «Лэйтиан» на Всеобщий язык. Поэтому на нем мы с большей вероятностью подозреваем пересказы-переложения или самостоятельные, более краткие произведения на тот же сюжет.

Те же Арагорн и Арвен, как говорится о них в «Повести...», первый раз встретились, когда Арагорн, придя в Лориен, «пел часть “Лэ о Люттиэн”, которая рассказывает о встрече Люттиэн и Берена». В Лориене он наверняка поет на синдарине и именно фрагмент оригинала, а хоббитам позже – на Всеобщем, говоря о трудности переложения, и сам, скорее всего, является его автором. Такие же исторические баллады обозримого размера мы встречаем и далее в сюжете: это песня Бильбо об Эарендиле, а если брать сюжеты за пределами Первой эпохи – то также песня Гимли о Дурине и Леголаса о Нимродели.

Песня Бильбо не сопровождается историческим комментарием – видимо, поскольку он полагает, что слушатели в Ривенделле знают, о ком идет речь (и действительно, даже хоббиты успели услышать о нем от Арагорна), притом он сам знаком с этим сюжетом не досконально, и позже говорит Фродо: «Арагорн настаивал на упоминании зеленого камня. Кажется, он думает, что это важно. Я не знаю, почему» – то есть история камня Элессар осталась ему неизвестной (ВК, гл. «Много встреч»).

При этом его песня опять-таки не рассказывает нам всю биографию Эарендила – слушатель ничего не узнает о том, кто это такой, где родился и как попал к морю: история начинается с того, что он моряк, а его корабль снаряжается к отплытию. В ней нет ни Падения Гондолина, ни Гаваней Сириона (есть появление Эльвинг, но совершенно без объяснения, откуда и вследствие чего).

Нет здесь и просьбы о помощи Средиземью (упомянут сам разговор с Манве, но слова его остаются «неслышимыми»), выбора между участием человека и эльфа, участия в Войне

Если обобщить, можно сказать, что эльфы и другие – кроме людей! – герои Первой эпохи (а также места их обитания) оказываются упомянуты по трем поводам:

- авторы изобретений или вещей, употребляющихся ко времени написания книги – прежде всего видов письменности (кроме Феанора, это гном Тельхар, создатель меча Нарсил, и Даэрон, «менестрель Тингола», упомянутый как автор Кирта);

- родственники кого-то из позже действовавших эльфов (целое гнездо таких упоминаний находится в начале Приложения Б, «Повести лег», при вводном описании Второй Эпохи: Гил-Галад, «последний наследник королей Нолдор в изгнании», Келеборн – «родич Тингола», Галадриэль – сестра Финрода (то же – в Приложении Е (в оригинале – F), в описании племен эльфов), Келебримбор – потомок Феанора. Так последующая эпоха оказывается укорененной в предыдущей;

- (пункт, примаыкающий к предыдущему) упоминания глав племен, домов и т. д. В Приложении Е (описание эльфов как народа) упомянуты Тингол как король Серых Эльфов, и как самые благородные среди эльфов-изгнанников – Галадриэль «из королевского дома Финарфина»; причем в конце того же приложения (раздел «О переводе») как отличающийся по внешности упомянут «золотой дом Финрода», ср. также «Гилдор Инглорион из дома Финрода», что бы в этих случаях ни имелось в виду. Здесь же, напротив, упоминаются только те герои прошлых времен, с которыми связан кто-то из ярких фигур, живущих позже;

- и, наконец, они имеют непосредственное отношение к сюжетам тех самых «великих сказаний». В связи с «Лэйтиан», помимо двух главных героев, упомянуты Тингол и Мелиан, Моргот, Феанор, Финрод. По поводу истории Эарендила – Идриль и Тургон, Диор и Эльвинг. (Такой вариант упоминаний, как имена в честь героев древности, будет рассмотрен ниже.)

И последний пункт позволяет нам перейти от пункта «кто» к пункту «как» и посмотреть, какие именно сюжеты древних историй появляются в ВК и Приложениях, в каком виде – и как воспринимаются самими героями.

И здесь нам уже не обойтись без представителей Эдайн.

Атанатаррион

И, переходя к конкретным сказаниям, хочу напомнить заметку Профессора, опубликованную в «Преображенных мифах» (одна из заметок в части 1), о том, что истории, известные нам о Первой эпохе и прочей древности – это именно **человеческий** легендаризм, нуменорский, а затем – гондорский (что нам тем более безынтересно). Он выделяет следующие его составляющие:

- «Сказание о Берене сыне Барахира» / «Сказание о Тинувиэль»

- Сказание о доме Хадора, состоящее, строго говоря, из двух самостоятельных:

* Сказание о детях Хурина / ...о проклятии Моргота

* Сказание о Звезде / оно же «...о падении Гондолина и восходе Звезды»

(То есть последняя часть второго сказания тоже ветвится на два относительно самостоятельных сюжета). (ИС 10, МТ-1, с. 373)

И по большей части это будет взгляд «изнутри мира», т. е. не «как и зачем Толкин собрал именно такую картину», а «как жители Запада Средиземья представляли Первую эпоху в конце Третьей».

И еще одно ограничение. Речь пойдет о наиболее очевидных вариантах упоминаний древности – которые сами действующие лица вполне осознают таковыми (по крайней мере, чаще всего), то есть об упоминаниях героев и сюжетов, относящихся к Первой эпохе, а также об именах, данных в их честь. Этим, несомненно, не исчерпывается вопрос о взаимодействиях Первой и Третьей эпохи в книге, но менее явные проявления (скрытые цитаты, аллюзии, повторяющиеся ситуации и т. п.) требуют иных методов и инструментария.

И, наконец, мы ограничиваемся историями о людях и эльфах. Все, что связано с гномами, остается во многом известно им, а другим народам Арды – только если они непосредственно сталкиваются с ними. Сведения о других народах и существах тем более немногочисленны и часто не имеют четкой хронологической привязки.

Что же до сюжетов, относящихся к созданию мира и различным божественным сущностям, то их среди упоминаний – в особенности сделанных людьми (а не эльфами или Гэндальфом) – практически нет.

Общие черты

С этой черты упоминаний о древнем мире мы, пожалуй, и начнем. Если текст Приложений и должен дать читателю представление, как и почему именно так выглядит мир вокруг него и как он к этому пришел, то вопрос «как он возник» они никак не разрешают, видимому, потому, что у читателя уже есть какие-то представления об этом, но и создание мира, и те, кто в этом участвовали – что-то достаточно далекое, чтобы не затрагивать окружающую действительность ни напрямую, ни даже на уровне упоминаний.

Самый дальний по времени образ – это Два Древа в Валиноре. О них и о Тирионе поэт Галадриэль, о них вспоминает Гэндальф, о них как об источнике света Сильмариллов говорится в Приложениях. Однако, по-видимому, предметов отдельного сказания события в Валиноре не стали.

Первый абзац Приложений начинается вовсе не с того, что «в начале был Эру единый» (как в «Сильмариллоне»), а с того, что «Феанор был величайшим из Эльдар в искусствах и науках...» (*здесь и далее перевод мой, кроме особо оговоренных случаев. – К.*) Но прежде чем обратиться уже непосредственно к Феанору (и его сородичам), отметим еще две общие черты.

Первая эпоха для Третьей – не просто древность, а древность незапамятная. Сюжет ВК неоднократно приводит героев в ситуацию, когда события, произошедшие, по их мнению, очень давно, начинают совершенно неожиданно влиять на текущие события. Именно так обстоит дело почти в самом начале, в главе под выразительным названием «Тень прошлого», но затем продолжается на протяжении всей книги. Из глубин прошлого выплывают явления, как опасные (Саурон, Единое Кольцо, назгулы), так и благие (приход Рохиррим на помощь Гондору, возвращение короля, росток Белого древа), а также трудно классифицируемые (народ

клятвопреступников и его помощь в войне).

Но все эти события произошли намного позже Первой эпохи – во Второй (история Эрегиона, Нуменора, война Последнего Союза) и даже в Третьей (история Арнора, Гондора и Рохана).

События времен Белерианда такого влияния уже не оказывают, хотя могут вызывать интерес, сочувствие, служить аналогиями и т.п. В этом смысле характерна сцена на Амон Сул, когда Мерри вспоминает незадолго до того спетую Сэмом песню о Гил-Галаде (точнее, ее начало), для него – говорящую о какой-то сказочной древности, далекой от опасного настоящего, от которого можно таким образом отвлечься. Арагорн прерывает его (потому то слуги того самого Мордора, где «закатилась его звезда», именно в этот момент подбираются к ним) – и сам поет балладу на сюжет Лэйгиан (глава «Клинок в ночи»):

И при этом – по крайней мере в конце Третьей эпохи – все еще существует вполне ненулевая вероятность столкнуться либо с тем, кто присутствовал при этих давних событиях (персонажи-эльфы и Гэндальф), либо с чем-то, созданным еще тогда (гондолинские мечи из «Хоббита», меч Нарсил, палантиры, кольцо Барахира, возможно, Элессар) (3), и наконец, случай промежуточный, свидетель событий и предмет вместе – звезда Эрендилля, то есть Эрендилл и находящийся на его небесном корабле Сильмарил. (При этом заметим, что сами эльфы, дожившие с древних времен до конца Третьей эпохи, – именно действующие лица, а не образы из прошлого, об их прошлом говорят они сами, а не сказания и песни; кроме того, образ в каком-то смысле вневременной – Варда Элберет. О ней поют эльфы и вспоминают столкнувшиеся с ними хоббиты, но это образ, в большинстве случаев не привязанный именно к сюжетам древней истории.)

Какая же картина складывается на стыке этих противоречивых тенденций?

Эльдар (и не только)

Как уже было сказано, текст Приложений открывается упоминанием Феанора (хотя эта глава называется «Нуменор»). Он ожидаемо появляется там как создатель Сильмариллов. И остальные упоминания также дополняют образ великого мастера и изобретателя.

В основном тексте книги мы видим «звезду Феанора» на воротах Мории (логично предположить, что он ее и придумал) (ВК, гл. «Путь во тьме»), а позже, по дороге в Гондор, Гэндальф рассказывает Пипину о создании палантиров и говорит, что желал бы видеть, как работал некогда Феанор (ВК, гл. «Палантир»):

Прочие упоминания из Приложений продолжают эту тенденцию: Келебримбор, также известный мастер, именно здесь назван «родичем Феанора», но больше всего упоминаний приходится (в соответствующем разделе) на созданную им систему письменности.

А вот история Непокоя и Исхода Нолдор и сопутствующие им неоднозначные события (раздор сыновей Финве, Клятва, резня в Альквалонде, проклятие Намо, сожжение кораблей) не упомянуты никак. Феанор, конечно, назван в той же первой фразе не только величайшим мастером, но «самым гордым и самовольным» среди Эльдар. Но все, что может узнать об этом читатель Приложений, заключается в одной фразе: после того, как Моргот украл Сильмариллы,

«против воли Валар Феанор покинул Благословенное королевство и отправился в изгнание в Средиземье, ведя большую часть своего народа, ибо в гордости своей он помышлял забрать Камни у Моргота силой». Из всех пунктов раздора Валар и Нолдор остается только то, что они отправились в Средиземье без разрешения!

Мало того, последующие события Первой эпохи, не входящие в основные линии крупных сказаний (прежде всего о Берене и Эрендилле) изложены чрезвычайно кратко: последовала «безнадежная война» Эльдар и Эдайн с Морготом, где почти все они погибли, а Белерианд загонул (последний факт мельком упомянут в последнем из Приложений).

Так, все неоднозначные поступки сыновей Феанора в годы после Браголлах (пребывание в Нарготронде, нападение на Берена и Лютинэн, разорение Дориата и Гаваней, похищение Сильмариллов) также остаются неизвестны читателю. Как и сомнительное поведение, скажем, жителей Нарготронда и Дориата. О Финроде читатель может узнать, что он – «друг Людей, некогда король Нарготронда, который отдал свою жизнь ради спасения Берена сына Барахира» (Приложение Б. «Повесть лет Второй эпохи», при упоминании Галадриэли), но о том, как именно он перестал быть королем, не говорится ничего.

А о потомках Берена и Лютинэн Арагорн, поясняя песню о них, говорит:

От Берена и Лютинэн родился Диор, наследник Тингола, а от него – Эльвинг Белая, которую взял в жены Эрендиль, тот, что на своем корабле прошлыл сквозь туманы мира в небесные моря с Сильмарилом на челе» (ВК, гл. «Клинок во тьме»).

И изложение той же истории в Приложениях также никак не намекает на возможные драмы:

Диор был ее [Эльвинг – К.] сыном, Эльвинг была его дочерью и владела Сильмарилом. (...) Эрендиль взял в жены Эльвинг и силой Сильмарила они прошлпыли через Тени и прибыли на Дальний Запад...

При этом для смертного слушателя этих историй, не знающего иных подробностей, смена поколений может выглядеть вполне естественно, – тем более про Лютинэн тот же Арагорн говорит, что она «избрала смертную участь».

Таким образом, во всем тексте книги не находится повода, чтобы упомянуть **сыновей Феанора**, и на то, что у него была какая-то семья, указывает только то, что Келебримбор «происходил от Феанора» (но через кого и в каком поколении – указаний нет) (4).

Впрочем, отсев персонажей и сюжетов явно проходит не по линии умолчания о дурных деяниях, раздорах и прочих сложностях внутризэльфийской истории (для читателей-людей, скорее всего, просто неактуальных).

Так, во всей книге также ни разу не упоминаются ни Финголфин, ни Фингон (хотя, казалось бы, их героическая гибель могла быть подходящим сюжетом для песен о героях древности).